

Александр Акулов

Ч У Ж А Я В С Е Л Е Н Н А Я

Слой хроники эпицикла
Вольный перевод с кси-крусского

Эти тексты сняты с контрольного стержня белитного регистратора. Сама пластинка с сюжетами растаяла в вихрях предпоследнего конца света.

К текстам добавлены популярные исторические очерки (ПИО), считанные с липтокристалла.

Стержень и кристалл хранятся в субвечной цикротекке: 4-я Д-сфера, 17-й градус оси, 16321-й предел.

Отличия даруемого ими бессмертия от так называемой подлинной жизни приборами не улавливаются.

Стоимость одной позиции —
2 000 000 000 000 (два триллиона) существований
или
14 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000
000 000 000 000 (четырнадцать кватердециллионов)
мжулей.

Настоящее изложение рекламное. Оно сокращено медицинской цензурой, а потому не опасно для психического здоровья. За дополнительную плату вы можете менять судьбу прототипов и историю.

ПРИБРЕТАЙТЕ АБОНЕМЕНТЫ!

Посвящается
Крысомандриту Шестому

1. В стороне

...мира нет, и времени не существует. Не предавайтесь примитивным инстинктам! "Бегодул" — компас в море иллюзий! Покупайте повороты фортуны!

Высоколобые! Заключайте охолам-договоры на любые сроки! Охолам-договор — спасение от рутины! Не нужно каждый день одно и то же. Повторение — моральное самоубийство!

Упадок динамических искусств в Аркаполисе. В дзета-тронной столице исчезли бегуресконы. К чертям спиранофилтры и крукс-процепторы! Видеодромам — *метаплазменную* начинку!

Необъятная тишина в приемных Бюро тестов. Направо. Еще раз направо. Налево. Да. Иду в приемную несвободников. Третья дверь? О! Сюда. Я добровольный несвободник: истек срок договора. Еще налево. Спасибо. Благодарю. Несвободное об-

щество? Как хотите. Да, на четыре года опять. С вами согласен... Впечатляет. И впрямь показалось, будто я шагал по приемным Бюро тестов. Чрезвычайно удобно. Кто потащится в такое пекло через город! Перестарались с придуманным климатом. Маньяку приснились пальмы и попугаи?! Ошибаетесь, мадам! Попугаи не резиновые, попугаи настоящие! Не портили вам прическу? Гм... Без прогулок обходитесь? И планета надоела... А кому-то надоели невесомости и трассирующие внеорбитальные долины.

Директору Домициллу — привет! Не имею понятия, что выбросила ваша рулетка. Ага, теперь вижу: остановилась. Замкнула. Некий каскад. Табло. Строка... Иллюзиодром? Динамические искусства? Хорошо, но причем непространственная геометрия? Не знаете? Ах, вот где сыр-бор! ЧС! Быть тому, все равно в Сентре застой.

— Как пройти на дром? Мне служебный вход. О-о! Настоящий пустырь. Живописная свалка. Эти "змеи", наверное, и есть допотопные спиронофилтры, а эти "амфоры" — те самые крукс-процепторы. Гм... гораздо интереснее, чем в музее спироноголографии. Травка зеленеет, индикаторы блестят.

...Ар двигался по набережной. В воздухе кружились поденки. Скоро их тела и крылья будут хрустеть под ногами прохожих. Когда-то точно так он шел в обратную сторону — на иллюзиодром. Первый визит туда. Поденок не было — конец каллироя, первые числа октавина. Тропические сорняки источали дурманящие запахи. Растения успели вырваться из разбитой оранжереи. В отличие от пальм, их ждала гибель. Изредка звучали неприятные предупреждения:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ГОТОВЬТЕСЬ!
ТРИ ЧАСА
КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ!

На иллюзиодроме Ведущий бродил по аппаратной, был недоволен, кричал:

— Гнать этих поэтов! Правильна мысль философа Блатона: "Пииты суть издержки человеческого материала, духовные сорняки".

Ведущий, расхаживая, мастерски огибал углы, выступы, перешагивал через КД- и МГ-кабели, но все же рисковал сломать ноги и шею. Низкое полутемное помещение захватило весь этаж. На полу и потолке мягкие тени. Агрегаты в серых блестящих чехлах — словно нераспакованные экспонаты выставки. Только у стены напротив — яркий свет. Работает устройство, похожее на архэ-модификатор. Ненавязчивые запахи мастик. По столу, справа от притормозившего Ведущего, плетется черепаха. Имитация или нет неясно. На то и иллюзиодром. Возможно, игра фотонов или электрино.

— Метаплазменная черепашка, — произнес Ведущий, — перетерпит очередной апокалипсис. Самое прочное в нашем мире — привидения... — Ведущий вдруг осекся, в его глазах сверкнуло подозрение.

— Зачем вам поэты? — чтобы замаять неловкость, спросил Озов, не отрывая взгляда от черепашки. Она отыскивала выход со стола и соскальзывала на полосатый чехол рядом стоящей установки.

— Они каскадеры, коровки, дающие спектры чув-

ственности.

Отвлечшись от фразы Ведущего, Ар Озов представил вместо черепашки массу божьих коровок-поэтов, влачащихся по стеклу.

Черепашка сползала на наклонную поверхность чехла между свисающими складками. Что ей надо? В ее власти планировать легким перышком.

Вот тебе коровки! Вживаясь в иллюзиодром, Ар сындуктировал на ближайший экран лист растения, на него — группу тлей и черных муравьев, поедающих сладкие тлиные экскременты.

Знакомо? И в уме всплыло стихотворение из старого учебника:

На равнине Листа Зеленого —
расцветающий солнечный луч;
к водопою идут мои сестры,
как ходили всенебие лет.

На пригорках темнеют священники:

— Жертвуй мёду из солнечных сот;
за пустыней Озирис стенает,
ключам дышащим
ищет проход.

Тем не менее, сколько Ар ни напрягал свою память, ему не удавалось вспомнить, в каком учебнике он видел эти строчки и когда он мог читать подобную ахиною.

Ведущий проигнорировал сюжет:

— Индукторы не ангелы небесные. Они мясорубки, перемалывают примитивные эмоции. А кому теперь нужны эмоции! Белый шум!

— Эмоции от поэтов? — удивился Озов.

— Я говорю о других индукторах. Поэты еще хуже: по звуковым каналам — завывания, по зрительным — ритмические волны.

Черепашка давно ковыляла по полу к работающему стенду — на свет. Не было возможности отличить ее от обычной черепахи.

— Через 50 лет это бессмертное создание сравняется по интеллекту с дошкольником, а через 240 перещеголяет любого нимфоида. У поэтов прогресса нет. Бывает, изобретут мистерию — у ассистентов волосы на голове стоят дыбом. Я сам однажды подумал, будто нахожусь в Зале чудовищ Музея жертв геноурбанизации. Так проняло.

Вглядевшись в неосвещенную часть площадки, Озов обнаружил четыре массивных агрегата. На них были надеты не чехлы, а жесткие сетки. Вверху сетки закручивались в алые додекаэдры.

— Тропоядерные пломбы, — указывая на додекаэдры, заметил Ведущий. — Они охраняют синтезаторы неспящих. Короткие иллюзионистримы здесь и делают.

"И ради сомнительного удовольствия минируют целый мегаполис! — поежился Озов и спросил:

— Короткие оттого, что...

— Оттого что у неспящих — двадцать тысяч вариантов виденности. Кто будет выбирать? Художники? Они не лучше поэтов. Хотел бы я знать, откуда эти мálеры вообще берутся. Помешались на суррогатах полимерной перспективы. Нормального варианта им мало, скрещивают несколько. После просмотра RM-фильмотирона зритель не в состоянии выйти из зала, путает правую и левую сторону, верх и низ — хуже слепого. Ему и поводыря недостаточно. А вестибулярный аппарат?! Полторы ун-

дели¹ лечения!

— А-а! — дошло до Озова. — Не ваши ли художники устроили вернисаж "ПОРВЕМ ПРОСТРАНСТВО"? Неопиcуемый фурор!

— А мне зачем застывшие формы?! — обиделся Ведущий. — Могут передирать и в другом месте! Сломали лопатобородые два аппарата!

— А что за перископ? — кивнул Ар на вертикально поставленную трубу.

— Концентратор иллюзиодрома. Изготовлен Орденом неспящих, — Ведущий положил руку Ара на управляющий маховик с лимбами.

А в щели прибора?.. Живые роботы! Роботы двухкрылые, четырехкрылые, шестикрылые...

Потрясенный, Озов перевел один из лимбов. Обозначилась надпись:

СССР

Красные и зеленые точки. Марь. Плотный, рассеивающийся лиловый туман. Еще тронул колесико. Гм... Города Евфрата, улицы Пальмиры, леса колонн среди пустынь великих. Далее. На диске, заменяющем планету, селение оцепеневших разумных кошек. Каждая кошка ростом с египетскую пирамиду. Далее. Ар сам в перископе. Ни иллюзиодрома, ни лимбов.

Озов наблюдает себя изнутри. Понимает: он ниппонец и прячется от опасности в горном кустарнике, ветви которого напоминают лозы винограда. И вот он же на втором этаже дома. Ниппонка забралась в террариум, соревнуется в церемониях с агломесками. Нечаянно повернулся к окну! Кого он видит! Эйхимбуркона!! Свистит округа. Озов или

¹ Неделя из одиннадцати суток.

не Озов, осязающий себя герой выламывает полосатый шлагбаум (?) и протыкает эйхимбуркону мыслительный резервуар.

На шлагбаумах-шестах, как на ходулях, герой идет по тулову аэрооската, бежит от толпы эйхимбурконов. Почему-то на них зебристая форма игроков в пинг-понг. Прносятся сады, охраняемые гесперидами. Скрипит шлак, превращаемый в драгоценные камни на неисчислимых и затейливых садовых дорожках. Звенят фонарики-сновидения. Ар-герой минует кувшинное море, леса-щетки. А-а! Рванулась пасть летящего дракона. Притиснулась. Мир лопнул.

Через унделю на иллюзиодром явился чиновник из ЧС. Озов и Ведущий подошли к установкам неспящих — не к концентратору, а к бездействующим агрегатам под тропоядерными пломбами. Рядом стояло нечто в зелёном кожухе. Мощный штатив и хороших размеров шар на нем, отчетливо выдавали пространствосдвигатель.

Теперь синтезаторы будут ремонтировать без снятия пломб и вызова неспящих. Дело в правах Озова на включение сдвигателя... "Но в иллюзиях ли проблема?" — думал Озов. — Слишком зачастили на дром сотрудники из Сентра НГ.

* *

В воздухе расцветал парад поденок. Вода и дорога еще невинны. Отходил первый закат. Ар Озов брел вдоль набережной. Внезапно до Озова донесся нераспознаваемый грохот, наподобие грома на ясном небе. Возможно, это и был гром. Пройдя три шага, Озов заметил впереди фигуру Армагеддона.

Армагеддон обернулся. Ару показалось, что

где-то глубоко за печалью искусственно выведенного человека сияет тайное довольство.

— Успешно провели итоговый эксперимент? — поинтересовался Озов.

— И да и нет, — всплеснул руками Армагеддон, — оставили неоконченным, — на левой руке Армагеддона не хватало двух пальцев.

— Два пальца, — ухмыльнулся он, — спасли Вселенную. Удалось вовремя пристопорить. Чтобы попасть в прошлое, нужно уничтожить настоящее со всем живущим.

— Но это совершают локально, — перебил Озов, поразившись своей банальности.

— Да, но образованная нами дыра в настоящем — начала расти, — на лице монстра мелькнуло ехидное лукавство.

"Таки не зря питомцам колб и пробирок дают имена венерианских тайфунов", — смекнул Озов.

Бывшие коллеги приближались к Центру непространственной геометрии.

— Дыра растет и сегодня, хотя увеличение ее замедляется.

Глянув на корпуса научного центра, Ар обомлел: половина восьмого этажа первого здания была срезана словно бритвой. Посмотрев внимательнее, Ар очутился в состоянии невероятном: над восьмым этажом возвышалась черная громада, сходная с циклопическим могильным камнем. Сверху громады, захватившей несколько этажей, мирно торчала башня с часами. Сосредоточиться Озову не дал Армагеддон:

— Черное прошлое, — почти пропел монстр, — отличный строительный материал для будущего. Абсолютно прочный. Сооружения из него нельзя разрушить ни тропоядерным, ни даже гравитаци-

онным взрывом.

У портика прохаживался некто, похожий на деятеля из Чистой службы. Узрев, как Армагеддон достаёт из кармана жетон, Ар небрежно махнул блестящей зажигалкой и уверенно открыл ту дверь, которая должна отворяться. Соседние забаррикадированы много лет.

Дальше следовал контрольный пункт. Ар миновал и его. Членистоногий *контрòллер* пробурчал неразборчивое и приложил клешню к лохендрию во лбу, пытаясь нечто вспомнить.

Армагеддон отстал. Малый из ЧС решил протестировать его жетон. Пока шло выявление личности Армагеддона, Озов прикурил своим "жетоном" плохонькую анимаретку. У боковой лестницы сильно намусорено. Брошенные кое-как лиловые изработанные парапризмы перемешались с рассыпанными пачками мнемокарт. Из них выбрался самозародившийся виртуальный котенок и потянулся.

Армагеддона всё не было. Озов включил винтовой эскалатор — выдвинулась гладкая плита цвета прессованной воды. Мгновение — и Ар видит знакомую табличку, но не на стене искомого сектора, а на входе в Лунный зал. Ничего странного, здание перекроила катастрофа!

Озов нажал кнопку. Загорелся экран. На нем — неизвестные безбровые охранники с недобрым взглядом. Что делать? Но вот их отзывают, и перед Озовым — детское лицо вечного аспиранта Да-Плютена. Препятствий нет, если не считать санитарных шлюзов с пылесосами, антибузами, ионными дюзами. Наконец сверкнула бронированная за-

глушка комнаты-сейфа. Озов вошел в святилище.

На столиках — армада флаконов с эликсирами, абилами, притретонами, банки с орондой, ка-стандой, посвентой. Стакан с юпитерианским коктейлем гордо выделялся асимметричной формой.

Блеск и сияние ударили в глаза. Но Ар заметил робота Аметиста, лежащего на элегантной перине. Стало душно. Давно Ар не вдыхал воздух с избытком криптона и ксенона! Ассистенты-телохранители кинули на Озова надменные взгляды и с ужасом уставились на озовские сандалии. Новые ассистенты в пошлых карнавальных масках, в манерах — напыщенность и пижонство.

Натянув для успокоения болванов ритуальные бахилы-пузыри, Озов приблизился: Аметист уплывал в область блаженных семимерных сновидений.

— Ты защитил степень вахмистра? — обратился Ар к Да-Плютену, ибо не забыл: простые работники науки не имеют права обслуживать отходящего ко сну робота.

И-и-и-и-и-и-и! Щелк!

Куда рухнул мир? Куда?²

Наверное, плирус не тем ребром прикручен. Но кому нужен дурацкий вахмистр! Гораздо лучше семимерные сны робота! Так! Кое-что поменяем. Луч плайзера едва не расплавил обшивку. Щелк! И-и-и-и-и-и-и-и! Узкая желтая полоса. Поворот. Ухнули в небытие три яруса.

Возник первый ПИО.

² Оставлен кусок археологического материала. К сожалению, до дуближа коды хроник побывали в руках нерадивых гуманоидов-реципиентов, вечно забывающих стереть следы своего творчества и воздействий на варианты истории.

* *

А этот ПИО больше подойдет для вундеркиндов. Кто захочет, может полистать *Приложение* на Ψ -345 или правильно вкрутить "плирус".

2. ИГРА СО СПИЧКАМИ

Летали подёнки, набережная подходила к концу. У маяка, недалеко от Сентра, Ар натолкнулся на Армагеддона:

— Успешно прошел итоговый эксперимент?

Интерес ясный. В самом деле! Варану под хвост эти годы?!

Мардопол

Два или полтора шага от формул Да-Плютена до триумфа-катастрофы, сколько в них от Аметиста неважно, долгий шаг — здесь мат. А если бы Мардопол не набрал студию вольного творчества из монахинь, не улепетнул потом с Суматры? Вылез полиплогический вопрос, психологический, психофизический — мифический. Роботам на смех! Аметист проверил у всех на виду нарочно: нет физического, нет биологического — одна психика и гекатомбы выдумкам. Но не описать, как в Пуа устраивают надзор за быстрыми снами... Иновремя и не надо получать: оно и так есть. Почти рядом,

близок локоть, слишком близок. Мыльные пузыри времен друг в друге... Царство Пигмалиона, много Пигмалионов было до нас. Вот теория заменительности Хризопраза, а вот — концепт релевантности Эвклаза, преконтер обратимости Аквармарина. И где ныне презнаменитые Цигельштейны, Дункельэкели и Штаубсаки?

Всплеск. Из желе экрана блеснули глаза Мардопола. Как он посмеялся над наивностью теоретиков: ваши Аметист с Да-Плютоном — Мефистофелюс с Фаустусом. Да, Пуа — сверхвеликая держава. Там могут всё, но не имеют права собственности на сновидения.

— Завтра?

— Да! Сегодня иллюзиодром.

Экран застыл.

А нескучное распределение обязанностей! Одни спят и, сами того не ведая, изготавливают снофильмы. Другие наслаждаются продуктом и всю жизнь бодрствуют! Даже каскадеры подобное не предоставят. Еще тот метод снять сливки и депонировать их.

Пусть и бежал Мардопол по вине неких фантазий — кто сомневается в утечке умов и языков! Ему ноль возмездия: в управлении Марса — родственник, в Межпланетной лиге — второй. А со-рока геегодами ранее? Убили бы из-за угла или подсунули бы в клокомобиль престентную сексмину.

Пуанские примеры

1. На Суматре всё шло без вопросов.
2. Сдвиги пространства связали с ментальной стряпней. Выдавали авансы наслаждения и восторга.
3. Пациент Б. выскочил из феноменального мира. Стимуляторы открепили. Пациент Б. не возвратился.
4. Включили психотерапевтическую установку "Або". Исчезли: установка, 35 пациентов, процедурная, приемная.
5. Возникли вопросы.
6. Перешли на фаршированные чувства, проливные восприятия, насадочные способности.
7. Пациенты К., Л., М. окуклились... Когда вывелись, никто ничего не понял: все они переменили пол на противоположный.
8. Астронавт О. вернулся из дипротического полета. Овеществился и назвал свою жену Мэшураву Машей и многое-многое переименовал.

Эксперимент

Неплохо посмотреть реатиновые записи. Купюр в них нет.

Мардопол (достаёт из кейса пакеты с черными кубиками). Хрононоситель — антрацит трехсот-миллионнолетней давности. Нефть надежней, но её грамм стоит полтора биллиона кавриков. Конечно, появится прошлое Земли, но не того участка гондира, мимо которого она проходит.

Аметист, Да-Плютен (хором). У-час-ток! Разве бывают в космосе у-час-т-ки?

Мардопол. Называйте, как хотите. Опять потчуй

вас непространством.

Армагеддон (несколько раздраженно). А не проще ли взять носители в другом музее?

Мардопол. Да не украл я антрацит. Другой музей? Музей культуры? Соседние 6 миллионов лет просканированы! Окажемся в лапах Вечной цивилизации. На десять минут назад — пожалуйста! Можно и на день назад. А зачем? Будущее? У вас есть его носители? Если есть, спрашивайте разрешения у Дельф.

Мардопол расхаживает по комнате, что-то проверяет, оценивает. Помещение ему не нравится. Суматриец поводит ноздрями: станина уловителя времени пахнет краской. Он заставляет охранников еще раз отодвинуть от нее приборы.

Армагеддон бродит с нахмуренным и озабоченным лицом. В руке он держит прозрачный пакет с антрацитовым кубиком.

Аметист и Да-Плютен опасливо косятся на страшное нагромождение агрегатов. В этих трубках, радиаторах, энергоизлучателях, пляшущих огнях экранов и кнопок теоретики мало что воображают. Армагеддон оттесняет их от пульта, а суматриец выставляет вон за прозрачную ободисовую дверь, где толпятся сотрудники Сентра и журналисты.

Охранники разгоняют скопление народа за ней. Теперь там только Да-Плютен и два журналиста.

— Быть жертвами их прямой долг, — указывая на журналистов, бормочет Мардопол, — тем более они те же службисты, а собранная ими информация дойдет до людей через полвека.

На столике уловителя первый антрацитовый ку-

бик. Запущены вспомогательные системы — кубик взмыл в центр сферы, повис в специальном типе вакуума. Никакие внешние поля, кроме заданных, не достигнут антрацита: им понадобился бы путь в 900 миллиардов световых лет. Излучения самой сферы проникали в лабораторию почти мгновенно.

Суматриец отпрянул от установки и скомандовал. Журналисты нацелили камеры, Армагеддон снял предохранительный колпак и надавил рычаг. Кусок угля расцветился и слегка задымился. Пространство внутри сферы остеклянилось, по нему пробежали синеватые полупрозрачные волны. Зарябило в глазах, накинuloсь головокружение... Армагеддон усилил индукцию и утопил кнопку транскриптора психических предположений. В сверкающей сфере произошло нечто вроде взрыва. Уголь истратился. Понеслась звуковая какофония с доминирующим: "пу-бу-бу, пу-бу-бу, пу-бу-бу..." Ударил смрадный запах. Сфера сделалась илисто-серой, из нее хлынула зловонная жидкость: поверхность сферы детектировала во внешнюю сторону. Могло случиться наводнение.

Мардопол передернул структуроискатель: в зоне видимости открылись тускло освещенные неровности и пятна.

— Ночь. Перед нами озаренная луной растительность, — возгласил ближе всех стоящий к сфере суматриец, стряхивая тину с ботинка. — Сейчас коллега переведет на день.

Вскоре появился сквозняк, ударили незнакомые запахи. С минуту созерцали приятный ландшафт с восходом солнца, не похожий на рисунки палеонтологов. Ни озер, ни болот. Да, в предыдущий раз Армагеддону не повезло.

Ландшафт заволкло, он превратился в черную

массу, безбольно вспыхнуло ярче солнца, из аппаратуры повалил дым. Чернота быстро чередовалась со вспышками. И суматриец совершил оплошность: разъединил рубильник. Конечно, звенящая в тьме света черная масса не рассеялась, начала угрожающе увеличиваться, но мелькания закончились. Ничтоже сумняшеся Мардопол перевел рубильник в прежнее положение, дым повалил еще сильнее.

Черная масса съела три агрегата. Пульт отключился. Выхода не оставалось — Армагеддон схватил энергорезак и направил его луч на транскриптор. Масса словно бы успокоилась. Армагеддон ударил по ней лучом, но луч отразился, обернулся черной нитью, режущей стены лаборатории впронизь... В зияние с криками "пу-бу-бу", "пу-бу-бу" устремилось откуда-то взявшееся страшное летающее существо, за ним — второе, третье... — целая стая. Это были не насекомые, не птицы, не ящеры! Армагеддон заметил: его пальцы стали одним общим с массой; оторвать было невозможно — перехватив другой рукой резак, он укоротил два из них.

Масса продолжала медленнее, но расти. По расчетам Аметиста, через несколько часов ее рост практически прекратится.

Остановка

На черную громаду не действовали пространстводвигатели. И Озов опять оказался в секторе микровремени, но сотрудников не прибавилось: Армагеддон исчез — Ар был последним, кто его

видел. Вот реставрация мышлевосприятия Ара.

И чем реже я бывал на иллюзиодроме — тем больше превращался в иллюзиодром Сентр, Аркаполис, земной шар. Аметист — "читающий" абсолютно всё — принес копию статейки под названием:

Ядовитые моллюски
парят над Артазином

...на рассвете четвертого дня зеленой луны вблизи зазуба ИТЗ-7 перед туристами пролетела группа несуразных объектов. Сутками позже и стадием восточнее похожие объекты наблюдал служащий омега-офиса. Это существа, однокрылые, каждое — величиной с человеческую голову. Вскоре рыбаки вытащили такое создание сетями из воды и принесли на Артазинскую биостанцию.

Оно крайне неприятно на вид, имеет внушительное, но тонкое и прозрачное крыло наподобие паруса, кроме того — ракетный двигатель, выпускающий струю пены или воздуха.

Животное относится к необычному классу моллюсков. Летающий моллюск защищен не панцирем, а ядовитым слоем слизи. У рыбаков и биологов на руках появилась экзема.

— О — о — у! — исторг звук Мардопол, глянув на изображение моллюска.

Но... Неожиданный сигнал вызова: меня просили в 14-ю приемную.

В приемной стоял Ведущий с иллюзиодрома и почему-то держался за штору.

— Вынужден просить о помощи Общество неспящих, — заявил он, отвел штору и указал на небо.

Там плавали цветные облака, вытягивались в нити, сжимались. Я почувствовал что-то очень знакомое. Где-то внутри зазвучал шум моря, как будто слышалась музыка, душа воспарила.

— Сюжет нашей абстрактной постановки, — пояснил Ведущий. — Но дело не в том. Мы затеяли фантастическую изопьесу, сняли эпизод о поломке политической рулетки... — Вот он! — и Ведущий протянул свежий номер информационного вестника "Упаникалампот".

В нем набранные крупным шрифтом заглавия:

НА МАРСЕ СЛОМАНА
РУЛЕТКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ МУТАЦИЙ.

РАЗГОРЕЛИСЬ
СТАРЫЕ МЕЖВИДОВЫЕ СПОРЫ.

НИМФОИДЫ ПРАВЯТ БАЛ...

Рядом — неприметная публикация. Я кинул взор на нее и словно ощутил удар током.

...Звездолет вольного города Лоски чуть не столкнулся в окрестностях планеты Нептун с некосмическим металлизированным агрегатом. Этот агрегат выпал из иного мира прямо на глазах экипажа...

Поразил маленький снимок: он мгновенно на-

помнил мардополовские чертежи аварийного лаза времени! Экстренный вывод объектов из настоящего в прошлое...

— Нептун! Нептун! — воскликнул я. — Что выражает термин "Нептун"?

Ведущий не вник...

— Корабль Лоски, — прошептал я, — их капитаны не подписывали Конвенцию.

— Нептун? — напрягся поднаторевший в разнообразных арго Ведущий. — По-моему, область более дальняя, чем сфера складчатых галактик, орбита Плутона — зеркальная граница вселенной.

Я опять заглянул в вестник:

...Звездолет, несмотря на протесты муня безопасности, захватил таинственную конструкцию и, двигаясь с тройной переведенной скоростью света, достиг земной базы к семи пунктам трипланетного времени.

— Тройная переведенная скорость — эвфемизм 10^{300} переведенной скорости, — пробормотал я (этот сленг уже знал прочно).

"Но почему корабль оказался именно там? Хитрые задачи у Лоски!" — вдруг зажглась мысль. О Аполлус! Только теперь я вспомнил о проблемах Ведущего:

— А не набежали ли на хронометрах иллюзиодрома лишние секунды? Не мог ли кто изготовить копии призм?

Теперь озарение нагрянуло к моему прежнему соратнику.

— А как здоровье Калипсида? — любопыт-

ствовал я, не забывая об Армагеддоне.

— Апокалипсида?! Он куда-то улизнул...

Не минуло и часа: прозвучал сигнал нового вызова, но из 1-й приемной. Мардопол спустился по лестнице и вернулся. Он держал непривычную бумагу с водяными знаками и черными гепардами. Деамбулакрум — ноли — тангере!!³ Из ЧС! Я еще не съехал с ума!

Запрос... Аршинными буквами:

МОЖЕТ ЛИ ЛАБОРАТОРИЯ ВРЕМЕНИ УНИЧТОЖИТЬ ВСЕЛЕННУЮ ИЛИ СОЛНЕЧНУЮ СИСТЕМУ?

Многое обещало юмористическое собеседование. Но не тут-то было! Мардопол и Да-Плютен в один голос продекларировали:

— Уничтожить мир, а тем паче Гелион — ничего не стоит.

— Раз плюнуть! — выпалил Да-Плютен.

"Предо мной люди или нимфоиды?" — подумал я и, предвидя бесполезность полемики, начал ненавязчиво напирать на практическую сторону дела:

— Вы считаете, сама ЧС сочинила запрос? В за-
прещении работы заинтересованы исключительно
Дельфы!

При последнем упоминании Да-Плютен слегка по-

³ Такие ругательства не переводятся.

розовел, затем сильно побледнел, а Мардопол сказал:

— Гы...

Потом он произнес длинную и назидательную кудрю. То, как он судил ни о чем и обо всем, делал ложные намеки, создавал важность неважному и неявность явному, вплетал в сообщаемое проговариваемые полупшепотом неприличные каламбуры и коллетрейскую феню, свидетельствовало, что изрядную часть жизни Мардопол протусил в интеллектуальных кабаках и финтишкетских бегуресконах. Так и повисали его сентенции, обтекаемые, пылефлюидонепроницаемые, но бессвязные. Он не спеша достал анимагару и продолжил:

— Да... если... ну... конечно, домикало донеже егда зрак... здесь не Суматра, но в вещах зело важных... Хм... Пых-пых... — Мардопол затянулся анимагарой и коснулся рукой своего мощного подбородка. — Есть сугубые методы; коллега ваш Н а в в и р и д о н не кремь. Мы не из свободного круга. Мы, наввирияне, особая народовосьц — народовосьц почтовых ящиков. Для чьих-то брыкал мы прозрачны... Обаче очима смотриши — лукавне прещение узриши.

Это речь! Обозвал Армагеддона Наввиридоном, а нас наввириянами...

— Пусть скрыть ситуацию мы не можем, но скрывать нечего! — вставил я.

Да-Плютен и Мардопол, не успокаиваясь, утвер-

ждали: недавно вселенная была на волосок от гибели из-за не совсем удачного опыта.

Мардопол ссылался на вероятность цепного инвертирования и привел в пример феномены оловянной чумы и венерианской молекулярной проказы.

Меня поддержал Аметист:

— Вселенная неуничтожима, а неуничтожима она потому, что ее не существует. Она такая же выдумка, как грань куба, не имеющая толщины. Попробуйте оттяпать у куба то, чего нет.

Робот махнул рукой — и на стене обнажился гигантский экран, на котором затанцевали формулы гипергеометрии. Выплывающая симфония смыслов обозначила надмирное крещендо, экран стал трехмерным, занял половину зала, вырвалась устрашающая модель строения кажимости. Щелчок — и посыпались следствия. Робот еще раз махнул — в воздухе зажглось:

ПЕРЕВОРОТЫ, РЕВОЛЮЦИИ,
СМЕНА РЕЛИГИЙ, ВОЗЗРЕНИЙ.
ОБМАНЫ ВОСПРИЯТИЯ — ПРЕЖНИЕ.

Аргументам роботов придают наибольшую весомость. Но пришлось убрать: "перевороты", "революции". После редактирования мы оставили фразы типа:

ШАНСЫ УСКОРЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ, УСИЛЕНИЕ ПОДСПУДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ.

Посторонних специалистов власти вызывать не собирались, поскольку не хотели объяснять возникновение "муфты" на корпусе Сентра.

Ее совершенно правильная форма не отличалась от замкнутой облицовочной поверхности...

Внешних свидетелей катастрофы оказалось немного: около тысячи человек. В момент итогового опыта у здания находились передвижные станции ЧС. Нужный властям Сеанс состоялся прямо на улице. По Аркаполису так поползли смутные слухи, но на слухи службе было начхать.

Однако кому-то не было... Пересекая бульвар, я заметил на себе чей-то взгляд. Ко мне подошел субъект, похожий на монаха-атеиста. С легким расшаркиванием и миной, полной выразительности, он вручил мне фиолетовый конверт. Не успел я прийти в себя, как субъект сел в вертомопиль и растаял над небоскребами.

Минуты три я терпел. Затем распечатал конверт. Из конверта брызгнула лучащаяся синим светом субстанция и выпал вызов в дельфийское консульство.

Р е к а

Конверт лежит на матовой поверхности стола. Н-н-х-у-у: от конверта или от бланка в нем идет тонкий неопределенный запах. Что я вижу! Волнистые узоры бумаги вписались в волнистую текстуру сто-

лешницы. Слабый, невнятный, лиловатый... Нет, словно голубоватый запах. И даже не запах, а малоуловимое напряжение. Отодвигаю конверт дальше... Беру и кладу на полку. Но от него ли все это исходит? Может быть, от темноты за окном? Тушу свет.

Завтра в Дельфы. Тени на потолке беззвучно говорят: "Завтра в Дельфы". Шевелятся черные листья, отражение ветра задувает тайники мыслей. Снится шепот потолка. В зазеркалье окна облизываются две крупные звезды, а третья медленно скользит, кособрюхая, начинает увеличиваться, потом уменьшается... Квлонн... Я открываю глаза: ярко горит лампа, ослепляет, но осязаю: сплю; могу себя ущипнуть, впрочем, уже исхитрялся не раз; поднимаю еще одни веки: вижу, облизываются две крупные звезды, а третья прядает ушами... Еще веки: сплошная синь, кто-то читает инструкцию неслышным, но твердым голосом:

...место трансферации — 1423-й ярус 742-го квадрата в окрестностях чердака сооружения ОИ-16-27 и сетки для игры в бло.

...нужно учесть: на указанном ярусе протекает река Айпейя (осторожно!), за сооружением ОИ-16-27 проходит воздушно-понтонная железная дорога — источник недоразумений и причина несчастных случаев.

Пункт двенадцатый. Прононния разрешены на чердаке сооружения. Быть спокойным. Глубоко не дышать: не исключено вдыхание больших количеств серебристой пыли.

Пункт тринадцатый. При облаве прятаться в густых зарослях карбокрачи между рекой Айпейей и лужком для игры в бло. Дежурные эйхимбурконы

оберегают униформу от острых колючек карбокрачи и возле нее не бывают.

Пункт четырнадцатый. Не справлять потребности на чердаке (серебристая пыль, возможность появления новых трансферантов).

Пункт пятнадцатый. Река Айпейя и вентиляционные щели не имеют дна. Ниже первого яруса исчезает отсчет правильных локусов восприятия.

.

Пункт сто сорок первый. В течение светового дня следует воздерживаться от питания. Поедание душ туземцев осуществлять ночью. Нельзя съедать души целиком! Оставляйте хотя бы 1/10000 долю. Во время так называемых сновидений души аборигенов довольно быстро отрастают за счет подсоединения к своим параллельным жизням.

Что это? Экубэка! Тону в огромной реке. В ее русле не вода, не жидкость течет... Плыть в подобном не удастся... Оно легче всего, непрозрачно. Падаю. Волны накатывают на волны, и в промежутках раздвинувшихся волн иногда что-то мелькает. Лечу, но плавно, не ускоряясь... А пузыри! Пузыри — волшебные фонари! Среди тёмного блеска мгновенные сны. А — у! Всплываю в Саргассовом море. Но нет! Нет! Не водоросли, не острова. Лишь волны рисуются в волнах. Течет река впереди и назад, вверх и вниз. Творит берега, предметы и воздух, мечты, чувства, желания, образы. Я — река, впереди и позади, вблизи и вдали — везде река, но повсюду разные волны. Волна волне не равна, волна волне — война, волна с волной в волне, волна с волной в реке.

Сон ли это?

3. Д Е Л Ь Ф Ы

Начало

Конверт получил и Да-Плютен. То ли на нас действительно остановился выбор жрецов, то ли от нашего присутствия в Аркаполисе стремились избавиться. В суматрийском Сентре не менялось ничего! Неспящие менее опасны, чем просто бодрствующие!

Дельфийское консульство как будто помещалось в одном из корпусов Университета вторых профессий, у филиала Всемирного музея копий, но Да-Плютен рекомендовал направиться не туда, а в противоположный конец города, к скале с лабиринтом.

У сохранившегося пролома в лабиринт уже пару тысячелетий красовались статуи двух человеческих скелетов. Над шестиметровыми статуями горела надпись:

**ВСЕМ, КРОМЕ САМОУБИЙЦ,
ВХОД ВОСПРЕЩЕН!**

Перетолкование вызова меня не устраивало. Многие стези ведут в Край Желаний. Почему бы не выбрать длинную?

Да-Плютен поневоле согласился со мной: у аппарата, вызывающего клокомобили, стояла солидная очередь, а на "колбасах" и "насосках" понадооби-

лось бы добираться с четырьмя пересадками.

Мы предпочли более длительный путь в Дельфы долгой дороге внутри города.

Двинулись пешком и спустя 15 минут оказались рядом с университетом; пройдя зал информации, вошли в приемную консульства. Круглая, необычно освещенная гостиная. Без ламп и светильников, но на потолке четко вырисовывались тени. В середине комнаты — столик с вечными газетами. Из-за стен и дверей не доносилось и признака жизни. Нет ли ошибки? И вдруг мы обнаружили: не отворялись не только двери, через которые мы хотели пройти, но и те, через кои прибыли.

Словно по команде, мы схватили газеты и в первых пробежавших текстах прочитали некрологи о себе. В заметке под названием "Они угодили в лабиринт" мы с Да-Плютенем совсем по-дурацки прославлялись как деятели науки, оставившие эксперименты, опасные для нооидов, и особенно для людей.

Подле газет лежала стопка "Памяток отъезжающим в Дельфы". Да-Плютен взял одну из них и принялся ее изучать. Выяснилось, брошюрки индивидуальны, а вот, похоже, моя. Она отличалась от прочих, как и остальные — друг от друга.

Взглянув на первые абзацы, Ар сунул издание в карман: последний день он числился несвободником, живущим в свободном обществе, и в последний раз мог тасовать колонки газет. В грядущем у него такое право изымалось. Он понимал, нового под луной не бывает, но навязчивое ощущение событий требовало продления...

Где раньше было гладкое место возник проем и в нем — хмурый старичок с асимметричным лицом; он поманил посетителей внутрь.

— Насколько мне известно, вы достаточно проинформированы, — промолвил старичок. — Даете ли вы обет отречения от родины, семьи, государства, а также иные обеты?

— Да! — выпалил Да-Плютен, готовый ко всему.

Для Озова пресловутые родина, семья и государство почти ничего не значили, но любое проявление насилия, даже и обратного рода, вызывало подозрение и протест...

— Лучше обойтись без обетов, — ответил он. — Тем более...

— Вы не сможете удостоиться и младшей степени посвящения, — перебил Озова старик, — не откроете сути дельфийских таинств.

— Положим, я соглашусь со временем?

— Согласие должно даваться сразу. Сожалею, что вы колеблитесь.

На переходе к размещенной на крыше здания стартовой площадке Озов с удивлением настиг поражену Да-Плютена. Воспользовалась форс-возможностями и сумела сюда проникнуть? Ах, судя по сетке на голове, это существо тринадцатого пола решилось на Сеанс... Подошедший Да-Плютен от неожиданности окаменел: наверняка он распрощался со всеми окончательно. Обыкновенно такой вид Да-Плютен обретает, когда взбешен.

Озов прошагал в таможенный отсек. Таможенни-

ка правильное бы назвать конфискатором. Помогая пассажиру переодеваться в диковатые полуантичные-полумарсианские одеяния, он заодно производил и личный досмотр.

"Интересно, а как отнесется к досмотру Да-Плютен?" — прикинул Озов. — Ведь он свободник. Даром ныне расстается с волей? Ну и пертурбация! Не жутко ли мутен завернувшийся поток освобожденности? Взвихренный осадочный ил. Зачем всё? Для чего потребны несусветные заботы о доме, быте, чувственных влечениях? Гораздо проще заключить Договор. Количество свободы от ограничений только увеличивается!"

Если многое не переврано в криптах минувшего, Озов четырежды по собственной прихоти менял формы Договора, оставляя мелкие либертинки. Скажем, пятнадцать часов в двадцать дней прогулок по далекому горному району, тридцать часов секретного канала "абсолютной" информации. Иное — не на его балансе.

"Конечно, дикое общество имеет права на бытие, — рассуждал Озов. — Оно и необходимо: настоящее существует оттого, что его остов — невырезанное прошлое. Сохраняются Био и Род, Феод и Меркуп, Ном и Мегон. Одно в оболочке другого, другое — из кирпичей третьего, но построенное мертво, пустая форма, грехопадина раеизгнан... предыдущее расчерчивание будущего. Но главное — тонкий пласт между Тем и Тем, который не Тот и не Тот, свобода в себе, желающая себя уничтожить и не-желающая... скользкий слой между корой и древесиной, терьмо в проруби... стремление нуля, пожираемое алчными единицами. Начать с нуля не дано черным прошлым. Душа — очень

тонкий миазм."

"Однако, досмотр!" — пришло Озову в голову. Таможенник с кислой миной вытаскивал памятку из кармана брошенной куртки:

— Всё помнишь?

Озов пробормотал нечленораздельное. "Во всяком случае не ты генеральный досмотрщик", — думал он. Смысл вопроса не сразу дошел.

Без комментариев таможенник сунул озовскую одежду и памятку в мусорную печь.

У опоздавшего Да-Плютена таможенник отобрал саквояжик, высыпал его содержимое на стол. И среди этого имущества ничего, кроме книг по НГ!

Не найдя криминальностей, как то: документов, оскрезонов, сувениров, фотографий, снописем и прочих атрибутов ненужных привязанностей, таможенник одобрительно крякнул. Похоже, он был наемником, а не дельфийцем.

По звонку явился второй таможенник, уже с деловым интеллигентным прикидом. Разумеется! Не глянув на названия, он швырнул Да-Плютеновы книги в печь. На столе лиловела памятка.

(Из восприятия Ара Озова)

Через минуту непрезентабельное летающее блюдо понесло нас за тысячи стадий. Посадку совершили в степи, не слишком близко от современных Дельф.

На небе сияли три несерийных солнца. Мы выскочили из тарелки. Повинуясь незримому управлению, она тут же взмыла и исчезла.

Обернувшись, мы заметили шагах в двадцати от нас человека, у клокомобиля. Третий таможенник, теперь дельфиец, сопровождал нас далее.

В клокомобиле я глазел по сторонам. Да-Плютен углубился в повторное изучение памятки. За степью дорога шла мимо руин Биплюгического завода и Огненных полей. Я не забыл об описанной в энциклопедиях и учебниках эре Опеки, когда люди не могли жить без этих пламенных водоворотов. Сейчас на полях непрерывно вырастали гигантские ящери- и краноподобные фигуры, распадались, вновь высвечивались в другом месте. Порой они рождались группами — и возникало ощущение разговора гигантов между собой.

Огненные поля кончились. Их источник — знаменитую Башню грома — так и не увидел. Впереди показались Дельфы. В вышине ни облака. Три солнца выстроились в линию.

Я взял у Да-Плютена его памятку, но не открыл. Захватила панорама: Дельфы походили на море, по которому разбежались корабли и маяки.

Клокомобиль остановился у немалых объектов, скопированных с египетских пирамид. Засим движение транспорта запрещалось, но со всем обозримым

не вязалось ни хождение пешком, ни пользование летающими ковриками.

Улиц не существовало, весь город спланировали так, что из любого пункта виделась толика горизонта и повторяющийся ансамбль разновеликих зданий: от зданий-башен, зданий-гор, шарообразных зданий-планет до дачных домиков, шатров и палаток. Часто одни чертоги стояли на других, на первый взгляд более хрупких.

Дельфы — город немыслимости. По утверждению таможенника, некоторые из дворцов и острошпильных башен — макеты, предназначенные для создания обстановки, способствующей размышлению. Колонны и филигранная облицовка массы сооружений якобы фальшивы, но мы не могли отличить "воздушные" постройки от действительных.

Площади зияли пустотой. Везде жила тишина. Вспыхивало осторожное эхо наших шагов и, проникая туловище безмолвия, словно касалось лазури.

Мы очутились не в каких-то Дельфах, но в Дельфах междумирья, в устье квадриллиона Дельф.

Подобрались к длинному розоватому корпусу. Таможенник пробубнил неразборчивый пароль в слуховую трубу. Врата распахнулись, и мы вошли туда, куда прежде собирались — в лабиринт. Поразило тусклое освещение, неухоженность, легкий запах плесени. Пол — что-то вроде текучей дороги, текущей во все стороны и в контртелесность, а перегородки лабиринта подступали и расступались, беззвучно и невесомо перебегали. Ощущение пребывания в одной и той же крипте с пляшущими переборками, скачущими, будто изображения на экранах. От кого-то я слышал, такая система хороша для

картинных галерей и библиотек: пол в галереях остается незыблемым, а стены движутся и складываются гармошкой. Сидя в кресле, можно изучить целый марсианский музей. Но ныне экстракомфорт казался сомнительным: от стен лабиринта исходил сладковатый аромат, они были одновременно и источниками света. А не похоронены ли мы в чреве циклопического фосфоресцирующего животного? Нас с Да-Плютенем не покидало неотвязное чувство тревоги и легкого отравления. Таможенник оставался невозмутимым.

Перемещения продолжились. Опять подоспел темный туннель. Прямо на нас мчался пылающий волчок, похожий на брошенный в огонь клубок пряжи. Проем зашторился, таможенник сделал вид, что ничего не заметил. Да-Плютен пожал плечами. Он не ожидал катавасий от учреждений серьезной страны.

Платформа взмыла вверх. И перед нами нарисовался характерный дельфийский пейзаж, но здания у горизонта уже напоминали сухие колосья злаков, а платформа плыла по аллее с рядами исполинских сказочных птиц по бокам, вернее, "торсами" птиц, дарующими впечатление некрополя. Мы ухнули вниз, в полутемноту лабиринта.

— Новые Дельфы, как и древнейшие, перенесенные с Балкан, — государство традиций, — подчеркнул таможенник, и вдруг его глаза вылезли из орбит от ужаса. Дорога под нами начала падать, пространство за перегородками огласилось ревом материи хаоса; таможенник и Да-Плютен исчезли, я с бешеной скоростью погнал неизвестно куда, настил подо мной проваливался, всё вокруг горело,

впереди промелькнули силуэты трех людей-волчков...

Воскрес я в клокомобиле. Гм... Тишина и спокойствие! Клокомобилъ остановился у гороподобных египетских пирамид. Далее транспорт нашего типа разрешался, но мы пошли пешком, поскольку хотели лучше рассмотреть Дельфы. На небе — четыре солнца. Переведя взгляд на Нетуда-плютена... Нетуда... Не-ту-да-плю-е-ва (!), Нетудаплюева, я увидел невразумительное: он был одет в греческий плащ. Такие же плащи — на мне и проводнике. Проводнике (!), а не таможеннике. Изменились даже мои мысли! Недавнее прошлое не ярче сна.

Существуют самые разные непространственные фокусы, а потому происшедшая перемена декораций почти не удивляла. По крайней мере, я предполагал ее возможность.

Сгинуло желание спрашивать, является ли то или другое здание макетом. Отсутствие на многих постройках окон, необычное их расположение ни о чём не говорило. Любое сооружение могло напоминать и постэманационизм, и Золотой век, быть самобытным и постоянно переиначивающимся. Еще живы устарелые эффекты спираногологграфии!

В стороне высилась дико-чудовищная ротонда, ни с чем не сравнимая: вверху купола и непонятные крестовины. Вход охраняли огромные черные псы в лиловых жилетках. Я застыл как вкопанный. Вúденье точно мерцало, казалось приснившимся, нереальным, нарисованным. На стенах — яркие картины. Чаще всего изображался муж с крестовиной и лучистой "тарелкой" зыбкости вокруг головы.

Над порталом реяла молодка в скафандре опти-

ческой сдвинутости, ее младенец, похожий на князька, крепко держал игрушечную крестовину. Ох, сильно косоок и близорук художник-индуктор, раз ухитрился выплеснуть в мир незатухающие оролы, нимбы, блестки!

— Что это? — спросил я.

— Памятник врагам Золотого века. Не спрашивал, почему такая нелепица затесалась на планету, — ответил проводник. — Нас в древности могли уничтожить варвары. Купола — их фетиш. Если бы Александр Великий не дожил до 97 лет, а пробыл у нас гораздо меньше, он, возможно, и не успел бы выжечь дотла вредные для цивилизации земли.

Нетудаплюев слушал с видом сомнения. А твердь? Там сияли четыре солнца, четвертое — в ста градусах от остальных. Но в моей прежней жизни Дельфы владели двумя искусственными солнцами, а Александр Великий дожил до 83 лет. Перед глазами встали светящиеся волчки, и я сообразил: изменилась не только история, но и мои догмы, воспоминания.

Вычурная ротонда позволяла думать: Дельфы контактируют с дивергентными вселенными. Скорее, по ним и высчитывают будущее. Всплыла догадка: есть вселенные, в которых нет и никогда не возникнет настоящих Дельф, и те, в которых не обитает и никогда не зародится человечество. И всё это иллюзия, иллюзия, пузыри, всплывающие над бездной, или сновидение сновидений...

Не протекло и часа с тех пор, как я пересек границы нескольких вселенных; Дельфы промелькнувших вселенных меня не приняли, но при переходах изменился и я... И Нетудаплюев — во-

все не тот Нетудаплюев.

По дороге мы не встретили бытовых заведений. Раз наткнулись на витрину, заставленную диковинками: камертонами, поросшими металлическими перьями! Не исключено, и она имела музейно-культовое значение. Нам не попалось ни одного клокомобиля. Прохожие были редки, среди них ни одной женщины.

По словам проводника, женщины в Дельфах составляют треть жителей. Они или жрицы, или духовные гетеры, или просто монстромузы, хотя мусический пол обыкновенно расфокусирован.

Х и ж и н а

И в первый день пребывания в Дельфах, и впоследствии Озова не покидала кажимость: обозримое — лишь малая часть, а главное скрыто, пусть оно рядом. Где-то по соседству впадают в прострацию пифии, и недалеко источники с геологическим дурманом — остатки пифонов, тифонов, дельфиниумов.

Но всё — сказки, пережитки первобытных мечтаний, воплощения в подземелье стремящихся мыслей. Даже у исполненной ужасной красоты, ужасной, без всякого прибавления ложной степени, статуи Аполлуса нет ни малейшего сходства с людским обликом. Да и статуя ли она? Это глыба переливающихся цветов, метаплазменный кисель, разметавшийся в воздухе, готовый схватить, убить, уничтожить, обратить в гармонию сфер, превра-

тить бытие в ее струны.

Трое продолжали идти. Проводник указал здание, в котором Ару и Нетудаплюеву предстояло служение Дельфам. Фиолетовый тороид наклонно выдвигался из земли, из него змеей выползала многовитковость фасада, вверх уходили, в улитку закручивались блестящие стены, не было окон, подъездов, ворот, водоскатов, швов, сочленений, разъемов. Ассоцииру... О! Лиловость не хуже абсолютной черноты, обнимавшей корпус Сентра НГ.

— Городу не грозит случайная самоликвидация, — оценивающе произнес Нетудаплюев.

Наконец проводник довел прибывших до их жилищ — остекленелых клочков... Гид уверял: это дома, сообщающиеся напрямую с тороидом. Ближе располагалась площадка Ара Озова. Подойдя к ней, Ар увидел стержни, сходные с гигавольтными изоляторами.

— Принцип действия почти как у Башни грома, — пояснил проводник.

В подтверждение почва закипела, забурлила. Из пены вырвались огненные языки; и уйдя, оставили нежный, раскаленный и слегка просвечивающий агрегат из блоков, соединенных извивающимися трубками. Агрегат чихал, дышал, что-то перекачивал. За минуту он катастрофически увеличился в размерах.

Послышалось шипение, и выросшее объялось тихим взрывом. Пляска прекратилась, из сиреневого чада вынырнул домик дачного вида, с мелкими деталями, характерными для дельфийской архитектуры. Хотя расстояние от огромных зданий

нешуточное, диссонанс был вопиющим. Проводник недовольно хмыкнул.

Опять раздалось шипение, строение исчезло, появилась площадка, и после огненной пляски одновременно с прежним сооружением невесть откуда, но, разумеется, не из-под грунта, вытянулись большие папоротникоподобные деревья с рдяными стволами.

Теперь Озов запоздало прозрел: от горизонта до горизонта под четырьмя солнцами на пустынных пространствах между дворцами и храмами голубели оазисы, сродные сейчас возникшему.

Нетудаплюев и проводник удалились. Озов отправился в свое владение, и ему почудилось: он вторгается на территорию заповедного необитаемого острова. Топча газон, на котором, увы, ни намек на тропу, Ар подошел к дому. Всматриваться бесполезно: дверей не существовало. Или в Дельфах ходят сквозь стены? Тщетна и попытка найти запасной вход: попробуйте, обойдите домик: он вертится ровно избушка на курьих ножках, вежливо подставляя вам свое лицо — фасад. Ар заметил: здание не только поворачивается в такт его перемещениям, но и заметно пульсирует сообразно движению его зрачков.

Всё это комичновато, но веселиться мешала лёгкая тошнота от созерцания пластичных стен. Озов рискнул ощупать стену — не ощутил ничего твердого и непонятно для глаза оказался внутри. Он не успел выдать из себя ласковых выражений в адрес проводника, обомлев от резкой перемены обстановки; в его мозгу зазвучал серый блюз и представилась безвозвратно пропавшая "Памятка отъез-

жающим в Дельфы".

Ар никогда не встречал такую убогость. Он находился в дичайшей пещере, перемешанной со складом. Свисали рыжие сталактиты, из стен торчали белемниты, повсюду — камни, куски металла, кипы бланков, увядшие листья, изломанная мебель. С потолка капало. Трудно было сделать шаг, не ступив в лужу. По лужам плавали разноцветные шарики, похожие на мыльные пузыри, и предметы, смахивающие на калоши. Там и сям валялись ящики.

Озов сел на размалеванный бочонок, предварительно убедившись в его твердости и устойчивости. Совершенно сухой бочонок выглядел объектом, недавно облитым краской. Осмотревшись, Озов заметил: антураж несколько изменился. Лужи и сталактиты сгнули, а напротив него вырос модуль, напоминающий кафедру. Сверху горела надпись:

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СЕЛЕКТОР

У селектора — ни ручек, ни клавиш. Ар задал вопрос устно. Ответ пришел моментально:

— Вторично "Памятка отъезжающим в Дельфы" не выдается.

— Для чего эти декорации и где вход в тороид?
— сконцентрировался на вопросе Ар.

Селектор долго молчал. Затем зажглись чуть ли не микроскопические строчки:

— Ответ будет. Ответ будет скоро. Скоро скоро скоро скоро, жди жди жди жди.....

Четкий текст становился всё более неразборчивым и ниже размывался. Почему-то многие согласные лежали на боку, а гласные были неестественно раздуты.

В полутьме пещеры появилась быстро идущая женщина в накидке-медузе. Тут же Ар почувствовал: кто-то подкрался с тыла и начал выкручивать ему руки.

Женщина подошла и чем-то чиркнула — вспыхнуло пламя, Ар словно засветился изнутри, заколебался вместе с высоко проплывающим облаком. В это мгновение он легко мог дотянуться до зенита или надира: так ничтожен стал мир.

— Отпусти его, Нестор. Наверняка умственного помешательства у него нет, — изрекла неизвестная.

Озова освободили. Он увидел: в противоположной точке земного шара играет в волнах океана синий кит и идет огромный корабль. Ар понял, кит не кто иной, как он сам. Корабль шел на Ара, и Ар не желал ему уступать.

Нестор, бородатый старик с атлетической фигурой, окончательно оставил Озова и бесшумно удалился. Озов не заметил, чтобы он открывал двери.

Незнакомка опять чиркнула и без всяких церемоний вновь просветила мозг Ара. На сей раз она продлила его восприятие до границ метagalактики. Засиял участок некоего волшебного сектора. Звездолет с экипажем неспящих возвращался неведомо откуда. Сбоку от корабля висело эксатело в форме цветка ромашки.

"Но я не на таможне! — подумал Ар. — Зачем расследование? Хотя бы представилась..."

— Я вовсе не из ментальной службы, — заговорила незнакомка. — В Дельфах есть горнее... Мое имя И-та. Я твой ангел. Тебя никто не будет посвящать, но твои занятия эквивалентны второй ступени. Пока у тебя два ангела: я и Нестор.

— Но при чём просвечивание?

— Ты находишься в привилегированном, но несвободном обществе и ведешь себя в нем неподобающе, — она мотнула головой на обстановку пещеры. — Дело не в памятке.

— Комната, — присовокупила она, перейдя с тона ангела на бесстрастную интонацию, — и не рассчитывалась на твой мозг. Его непространственные функции близки к функциям варвара. Не для специалиста по НГ! Триста лет назад людей со столь слабой непространственностью принимали за шпионов из аристотелевских цивилизаций.

— Аристотель? Размышлитель минойской эпохи? — спросил я.

— Нет! Эпохи Александра Великого. Это роковой философ: кан⁴ вреда полководцу, кан вреда науке. А вред (И-та засмеялась) — из-за переизбытка досуга... Закон передачи кана... Четные Аристотели, выросшие слишком вольными и усердными, преуспевают односторонне... Вернемся в наш редолокус. Твоих НГ-функций еле-еле хватило на селектор.

И-та достала карманный селектор и связалась со жрецами. Управители запретили перестраивать дом, но поспешили выслать прибор-медальон — усилитель

⁴ Кан — момент действия, различный в каждом из миров.

импульсов мозга.

Озов надел медальон, И-та сразу исчезла, стены обратились в дрожащее желе, а воздух — в кисельную субстанцию. Озов стоял, но не чувствовал под ногами опоры, не ощущал собственного веса. Ему казалось, он изменяется, теряет тело, смешивается с воздухом...

Несколько раз прибор создавал помещения, похожие на те, которые Ар когда-то знал, и — другие более родные комнаты, что выплыли из старых сновидений. Тысячи забытых снов пробежали, растворились, напомнили о многомиллионных продолжениях за гранями граней.

Явилась устойчивость. Ар застал себя в некоем сверхселекторе — обширной круглой комнате с массой выходов. Выходы вели в необозримые коридоры со стенами, украшенными орнаментами из неевклидовых фигур. Но останавливали взгляд горельефы-мнемоны. Посмотришь — и ясно постигаешь бывшее в этой жизни, не в этой, в давно улетевшей грезе, мелодии, контуре облака. Озов увидел немалое! Будто мелькнула тайна бытия, слегка поколдовала и исчезла, посеяв недоуменное волнение.

Пространство впереди захлопнулось. Ар попятился и чуть не свалился на пол, наткнувшись на вакуумное унитазное приспособление. И впрямь оно, вдобавок весьма комфортабельное. Вот потаенная суть бытия!

Из коридоров Озов вышел в коридоры коридоров. Не лабиринт! Сооружение запутанное, но заблудиться невозможно: спасают мнемоны! Мозаики на дверях вызвали представления о том, что даль-

ше. Там скрывались: Дельфы, джунгли, библиотеки, застывшие мгновения, реальные пейзажи типа амальхонтеры на планете Ауондана с восходом Сириуса.

В проемах отдельных коридоров — людные недельфийские улицы. В других проемах — моря и пустыни, звездные сонмы, ландшафты внепланетных образований, края вселенной.

В обыденных помещениях ничего экзотического. Зато необычны библиотеки. В одной из них Озов застрял основательно. Мало того, она не имела стен! Ее наполняли исключительно печатные книги! Выглядела она, как вечерний город. На ее центральной "улице" светлела статуя. То был живой Нестор. Он принял руку из-за спины, в ней автоматически перелистывалась книга. Нестор швырнул ее в воздух — она вспорхнула и полетела словно голубица. Очертив круг, понеслась к циклопическому стеллажу-зданию у линии горизонта. Прекурьезно! Иного засознание Ара не выдумало.

— Попробуй вызвать любую книгу сам, — предложил Нестор.

В голове — нуль и свобода. Идею о проверке крамольных пуанских формул Озов отогнал: "Успею". А не испытать ли Дельфы на прочность? И медальон дал команду:

— ...Компено Ас. "Малипотовы игры в лучах заходящей".

От названия этой, всюду запрещенной супер-бодографической гепталогии не потряслись ли капустные гряды пространстводвигателей? Почти ни

надеясь, Озов оцепенел в ожидании. Скорее, желание-импульс не услышат. Мегапроизведение сверх-опасно не только в нравственном и политическом отношении, но и в медицинском. Оно раз и навсегда посрамило перлы порнофилии и оделоконии, трансментализма и дрегонофрении.

Тот, кому удавалось прочесть пару страниц гепталогии "Малипотовы игры в лучах заходящей", физически не мог оторваться от чтения. После марафонского книгочейства с неизменными грезами и галлюцинациями вероятно всё: и психиатрическая лечебница, и смерть от жажды-голода, и потеря желания жить. Это в лучшем случае. В худшем — книгочей инициировал великий массовый психоз. Бывало, эпидемия психоза охватывала континенты. Целые города погружались в каталепсию или вымирали от нервного перевозбуждения жителей.

И конечно, автор "Малипотовых игр" не человек. Гепталогию написал нимфойд-полиплоид.

Ар и не мечтал о произведении. Тем не менее высоко в небесах над гигаstellажамы появился птичий клин. Не иначе, восемьдесят томов гепталогии. Клин близился. Нестор озадаченно уставился на него. Нужны ли ангелы, не умеющие читать мыслей?

— Почему ты мной недоволен? — спросил Нестор.

Ар объяснил.

— Мысли читает И-та. Меня больше заботят феномены, неправильно называемые чувствами.

Ар посмотрел на Нестора, и его ударило будто

током: где, где до Дельф он видел этого старика?

— Отчего бы именно женщине ("самке" — про себя добавил Озов) не читать чувства?

— Ты не заметил медальон на шее у И-ты, неотличимый от твоего? Ты не художник, тебе важнее сродство по матрицам суждений.

Вырос стол, на него опустились все восемьдесят томов. Нестор удалился.

Озов открыл первый том. Вступление оказалось занимательным, почти ароматным; подобные тексты раньше не попадались. Он весь внутренне расслабился и настроился, предвкушая сверхсверхсособое, и через минуту узрел: автор беззастенчиво повторяется: повторялись строчки, затем — абзацы... И здесь книга перешла в абсолютную невнятицу! Что за чушь?! Озов взял наугад тридцать седьмой том. О ужас! Слова там состояли из одних согласных. В других томах — то же самое: гласные исчезли! Пригляделся: выше строк — странные точки и завитушки. Не брак. В Дельфах он невозможен!

— Как тебе понравилась гепталогия? — услышал Ар за спиной иронический голосок И-ты. Ару осталось развести руками.

— Учиться расшифровке онейрописи следовало бы в свободном обществе, — закончила И-та.

И Озов вспомнил: послушником колледжа он придумывал разные уловки и уклонялся от медальных циклов, вместо эстетики избрал историю силонгики. Модерные языки для себя аннулировал, сославшись на надзаконное задание электринной рулетки. В действительности заказ был прост, но в те годы еще полагалось познавать прелести жизни,

отдавать этому несчетное количество времени.

Тогда Озову и подвернулась четырнадцатилетняя милетянка — увы, лицо и имя он забыл. До сих пор нет-нет представлял ее ожерелье из синеватых полиэдров. А была ли она, было ли ожерелье? Мир подменили!

4. УЛИТКА И ДРАКОН

ИФ-2

В тороиде, где размещался ИФ-2 (Институт фатальности), в первый день Ар не встретил чудес. Даже начинка двигателей, как и везде, была капустоподобной. Прошлые обзирали по реликтовым полям; будущее — о!.. это не великая, но тайна.

При хождении по секторам Достижимого Ар очутился в круглом помещении. Маленький китаец с длинной бородой ползал на коленях по прозрачному полу, сделанному из огромной линзы. Над линзой нависал шнурок с помпоном. Китаец неустанно его подергивал.

Под линзой — ничего примечательного: некий иновселенский город с иновселенскими людьми. Площадь. Озверевшая толпа. В центре — возвышение. Фигура в белом положила голову на пенек, фигура в красном занесла над ней топор. Толпа ахнула — голова отлетела.

— Что это? — поинтересовался Озов.

— Четвертая из богомерзких христианских ци-

вилизаций. Желая поскорее деградировать, в них убивают одаренных представителей рода людского.

Озов бродил в ожидании по залам. В курс вводят ангелы, но они задерживались. По зданию гуляло эхо.

В информационном зале Озов увидел много жрецов и сотрудников. Среди них стоял и Нестор. На внушительном экране мчалось бочкообразное сооружение и выбрасывало пучок черно-зеленых лучей.

— В какую вселенную направлен экран? — спросил Озов у Нестора.

— В нашу 313-ЭР. Аппарат чужой. Его прибытие — признак катаклизма. ИФ-2 искал разъяснений у высших жрецов. В ответе отказали.

— Но мы и сами можем включить пространствилók.

— Его активировали. Внутренность аппарата изучена. В нем — шесть персон, их язык — фантастическая смесь азиатских и европейских наречий.

Созрел вопрос о занятиях Озова в ИФ. Любые уговоры не могли его заставить взять на себя приبلудший аппарат, пустотопологии, нелокальные полупространства, а игры в пифий вышли из употребления. И все же...

— Не заглянуть ли в будущее, чтобы узнать будущее? — выпалил Озов.

— Мысль недурственная, — подозрительно усмехаясь, заметил Нестор.

...бланки и разрешения не понадобились.

Из восприятия Озова

Мы пошагали через внутренний парк и миновали его очень быстро, но, обернувшись, я удивился необъятному расстоянию, гораздо большему, чем от горизонта до горизонта. Бегущие дорожки и галопирующие мосты не попадались. Но дважды мне почудилось: трава и земля под ногами морщатся и складываются в гармошку. Внутри здания вошло огромное солнце, маленькое солнце спряталось за баобабом. На небе серебрилось облачко и ползло в сторону горного пика. Мы входили под арки...

Вместо Нестора возник белесый силуэт; этот контур таял, исчезал; воздух, весь мир источали шуршание, змоканье, зденьканье, броханье; я уже не улавливал своего тела; шуршание обратилось в мелькание; феномены смешались; всё сделалось одним; проступало явно чувтельное, беспредметное эфирно-живое, разорванное, расчесанное, разбросанное вовне; невесомость, нахождение в полупрозрачном матовом шаре, открывающем зачатки вещей, рождающем безналичие наличности; зримое рассеклось на многомерные кубы; кубы стали полигранными сотами, а в сотах поплыли изображения, видимые одновременно; видеть их можно только не обладая глазами и мозгом; видеть их способен лишь не-человек; я и не был человеком, духом, богом, призраком, материей, идеей, жизнью; мне казалось: я само из себя по себе вне себя над ничем в чем вычего вычито вымероморянно отренно отранно отородоконно локенно золоскондено; нет вообще памяти, но запечатлевалось всё не врозь оттуда и пронно толтепенно энно: срез разрез ломающаяся площадь

тороид ИФ-2 чертовщина люди просвеченные насквозь вон мебель через стены все этажи сразу все масштабы сразу несоизмеримость размеров с лучами и атомом водорода а атома водорода — с причиной всего; искры и шаровые молнии; шаровые молнии вытягивались в гири и расстреливали окружающее; гири сталкивались друг с другом, превращались в волчки; волчки распускались розами и исчезали, соты вспухали, становились эллипсоидами. Один из них укрупнился... В нем проросла гигантская улитка со стеклоподобной дверью в раковине, вздулась, вспыхнула алым; понеслась невянтица ощущений, которые не имеют отношения к возможности ассоциаций, иллюстрации, описания. Почернело, и в черноте я начал воспринимать обычного себя.

— Что это могло быть? — спрашивал Ар у Нестора, с трудом говоря о той или иной картине. Помнил он небольшую часть недавно виденного.

Нестор как-то неопределенно пожимал плечами, не желая разбираться с бесчисленными деталями озовского калейдоскопа, но, услышав об улитке со стеклянной дверью, выразительно ткнул пальцем ввысь.

Нестор и Озов шли по парку. Земля морщилась и сгибалась. Нестор нагнулся и быстро снял с куста похожий на ужа шнур. Воздух взвыл и застрекотал. Двое летели вверх. Вокруг сыпались синие и красные яблоки. Пахло прелью. Стрекотание прекратилось. Озов заглянул в экран-окно и осознал: они с Нестором забрались под купола.

Вход отверзся. Во всем неистовом величии перед ними предстала раковина внутренней улитки. Ее голубая дверь слегка зашторена. Справа от соору-

жения полулежала в прыгающем кресле И-та и выплевывала красные и синие шарики...

<...!>

Нестор сдернул со стены пакет с огнеустойчивой накидкой и ударил им И-ту по голове. И-та последний раз подпрыгнула и, выскочив из кресла, растянулась на полу. Нестор тут же наступил ногой ей на живот. Из рта И-ты с ракетным ревом вырвался целый рой шариков и, ударившись о потолок, исчез.

— Ох! И не любят в ИФ женщин: каждая так и норовит поиграть в пифию! — шепотом сообщил Нестор. — Едва не сыграла в ящик. Но смотри, как-ково ее чутьё: она пришла сюда до нас. Не будь этой способности, твоя ангелица переродилась бы в монстромузу.

И-та спала и глубоко дышала. В ее невинном профиле не было и намека на пифийство или шаманство.

— Я уверен, она уже побывала в отрицательном универсуме и изрядно подпортила личный орос, — продолжил Нестор. — Но при редких вылазках туда она не скоро потеряет свое "я".

— Мы ее застигли, но это мог сделать и еще кто-то, — рассудил Озов.

— В Институте фатальности командуют низшие жрецы, фатально и то, чего они не умеют. Их индикаторы срабатывают исключительно на ретропин, которым твоя ангелица не пользуется. Сверх того, она читает мысли и намерения.

* * *

Улитку не сравнить с капустным полем! Миллион пространстводвигателей — ничто. Правда, заведение "Тир Дракона" порой соперничает с чудищем.

Может ли улитка ползти медленно, если в ее завитках все миры?

Нестор начал о Тире, а я, слушая его, — формульное приложение I, эктентное приложение V, пропедевтику сплошного перехода...

Почему?! Почему я не заметил раздвоения?

Вот когда заварилось! Да нет — гораздо раньше!

Малый ПИО

Тир прилетает на Драконе. Дракон прилетает в Тир. Тир — в Орене, безвестной диаспоре, в обезлюдевшем городке на Земле. Но Орена также внепланетная сфера в Скоплении Дидоны, в Шестнадцатой галактике Второго каскада Вихря Гимнософиста.

Тир — анахронизм. В нем выбрасывается или поглощается абсолютная энергия, бесконечная, хотя всякая бесконечность только символ, обман.

Война с Драконом — самое высокооплачиваемое занятие. Вредность для хронострелков не плюс и минус пламя, но тэ-мультиполя. Чем менее удачен стрелок, чем меньше поражен Дракон, тем сильнее тэ-поля.

Впервые Дракон примчался три тысячелетия назад. Он явился в биплогическом пространстве. Грозил аннигилировать Башню грома. Его перекинули в новую геомагнитную крипту, ему поменяли координаты, он теперь на две трети — в удаленной изоточине, в закрытом секторе вселенной, но еще приносится.

Сверженные хтоны обернулись ужасом. Прошлое — внутри настоящего. Не найти покоя от выросших монстров Эры титанов. Грехи челове-

ства проплыли по Большому меридиану истории, совершили круговселенское путешествие и вернулись. Свободным был Золотой век. Эра опеки — первый этап войны...

Не так страшна статуя Аполлуса, но искусство требует жертв. Мудрость в разделении: разделяй и имей. Иначе смерть музам и грациям, иначе сады фортуны сменяются подземельями, орлы — змеями, мир превращается в шаманскую сказку.

Хвосты прошлых времен пытаются разорвать проэгидное. Оглашается рёвом Тир Дракона. Бойцы в скафандрах стреляют по дракону. Не спасают оболочки от тэ-мультиполей. Дважды Дракон разрывал сам Тир. В тот момент палили хроногаубицы на холмах, уничтожали всё вместе с призраком.

Тир не терпит модернизаций: оборудование на нем изношенное и списанное. Его стрелки — комиссованные военные, но Тир — мечта вояк. Попадание или смерть. Попадание или желтый дом. Воспарение души вон от тэ-мультиполей — или волны розового океана, райские кущи, стоокие и сторукие гурии от тех же мультиполей.

Крушит стрелок и его дублеры, но Тир опасен. Ждут, когда Земля перейдет в раскаленную плазму или охладится до абсолютного нуля, упорхнет в иную галактику, к внепланетной сфере и обратит в ничто Скопление Дидоны, но Земля... Земля — крошка, пылинка, прилипшая к чешуе Дракона-прародителя, артефакт, то, чего не должно быть, эманированная похоть Алгоса.

Негодования, протесты; требования скрыть, убрать, заморозить; проекты демонтажа, дренажа, выстреливания, отпочкования — нелепы, безосновны,

наивны. Тир Дракона сейчас и потом — причина появления жизни на Земле в прошлом.

Жрецы отрицательно относятся к биологической жизни, но... блюдут обет невмешательства. Они смирились, проглотили эту пилюлю и ждут, ожидают эффекта... Но всё уже предсказано, растолковано, истолковано, выбито на скрижалях Храма вечности.

Тир Дракона проникает в другие вселенные, в нем стреляют по другим вселенным, выискивают двойников, меняются энергией. И ясно-понятно: бесконечные силы не пребывают в конечном объеме, и в целом космосе они не могут обрестись, но зримое — обман вложения, обман происхождения, иллюзия существования, кажимость замыкания, умножение умножений, то, чего нет, и благословение на прозябание. Все перемешано. Достаточно частицы бытия, чтобы казаться гигамиром и отражаться в кривых зеркалах безначального.

Не смолкал слух о срединном жреце — неофициальном управителе Тира, о пресечении им катастроф. Знают о смежных временах и пространствах, но мало кто подозревает о перпендикулярно-внутренних, гипермерно-эллиптических.

Унделю назад Дракон одолел стрелков. Огненный джинн выплеснулся наружу через микронную щель, перешел в пламенный вихрь. Не сработали балансогаубицы и зенитки на ожерельях холмов. А над садовой сторожкой, в миле от Тира, родился белесый шар, поднялся ввысь, расплылся. Белесый джинн оплел раскалённого. Никаких бурь, взрывов, раскалываний горизонтов. Ни одного звука, если не считать слабого щелчка — и на небе ни дымка.

Но срединного жреца не нашла в сторожке ко-

мендатура.

Улитка

Ангелы включили туман. Туман густел, превращался в брызги пены. Невидимей становилось окружение, ярче сияла Улитка. За ее дверью — бегущие тени и блики, что-то покачивалось, отбрасывало неровный контур затемненности. Пена вздыбилась взвешенным градом — миллиардами колеблющихся и шелестящих горошинок, полностью лишенных вещественности и твердости. На такие прозрачные горошинки распалась и дверь.

Войдя, мы очутились на обширнейшем плато. Оно не внушало ощущения пустынности из-за причудливых низких облаков салатного цвета. Облака отошли от зенита, выглянуло светло-рубиновое фонарь-солнце, солнце-спрут; растаяли старые тени, появились новые; в воздухе закачались ромбы-скаты, ромбы-коврики. Некоторые были похожи на паруса, с других свисали тяжелые крюки, снасти, ступени, лестницы, кабины. Число кабин увеличивалось. Они смотрелись почти одинаковыми, но отличались небольшой разностью в оттенках желтого. Двигаясь под салатными облаками, они производили впечатление экзотического танцевального представления, пёстрого действия или мистерии.

Кабины исчезли, появились голые снасти. Одни из них обгоревшим видом, лопнувшими тросами говорили о катастрофах; на прочих раскачивались кабины-фантомы, полупрозрачные кабины, порой — неведомым образом только их фрагменты, силуэты, проекции, тающие огоньки, осколки блестящих стекол. Близко пронеслось ужасающее — гигантская

ржавая бабочка с ободранными крыльями. Но вот инвалиды улетели, и пространство заполонил стремительный танец бесчисленных желтых кабин.

Я обернулся: дверь, через которую мы вошли, была гораздо выше человеческого роста и вырастала прямо из воздуха; но мы недавно еле-еле протиснулись в нее!

Ангелы спешно опрыскивали ее черной эмульсией. Из ничего возникла физически немыслимая субстанция, сцементировалась слоем инертана. ИФ и Дельфы теперь под защитой. По понятиям науки, всякий предмет, потерявший квантовую структуру, должен или аннигилировать или стартовать за пределы Гелиона. С инертаном это не происходило.

Недалеко от нас болталась на крюке совершенно лиловая, освобожденная от спектакля кабина. Мы сели в нее. Нестор сорвал предохранитель, и мы помчались по свежесозданному миру.

После минуты путешествия впереди и позади нас поплыли идентичные кабины, в них сидели люди... люди — мы сами; нас много, даже мелькающие тени за дверью до нашего появления в Улитке — тоже мы сами; размылись переходы между временами и безвременьем, не понадобились взрывы Тира Дракона, объяла мультипликация возможностей, дециллиона дециллионов существований — псевдовремя и псевдопроницаемость; псевдоналичное — налицо, движения нет и всё — вседвижение; числовая ось — восьмерка, где ноль — бесконечность, раскаленная магма, подземные воды, лже-макуум-вакуум, отрицание космоса, игра ничтожного ничто-то. Всё оказалось рядом, стало вместе и раздельно; лишь абсолюту подсилено зрение такое, и даже нет: и у него нет средств для злостных расщ-

еплений вне себя; но мы не убили суть первопричин, не вынули корней, их нет нигде; иное — миф; мы наблюдатели мы бесконечны мы — повсюду мы видим всё и странна памяти манера я прожил то и это я вижу жизнь свою чужую я — нечеловек протуберанец из огромности великой что ярче звезд и миража обманов я обитал в нечеловеческом и неземном роду и соплеменники мои как бирюзовые дымы вне кажимой вселенной превыше леса тропиков и рая и светил то действие вне всего и сну не передать в узорах сновидений да правда правда мнил я но до меня дошло что в памяти появилось то чего я не переживал чего не случилось ни в снах ни наяву ни в спонтанных выражах вневременных аппаратов — аппаратов парящих над временем подобном желтеющей лиловости... в память влились воспоминания — реальные ложные воспоминания о фактах которых не замечали, неупраздняемом в той эпохе когда на диске заменяющем планету обреталась колония застывших разумных кошек размером с горный массив внутри кошек располагались миллиарды микроскопических городов миллионы государств а по необъятным туннелям-ахеронтам проплывали циклопические элементарные частицы — мертвые отходы цивилизаций и зачатки новых миров.

Кабина перескочила из непрерывно порождающейся крутизны на обычную трассу. Уже не всего достигал вектор внимания, но остановку кабины хотелось сравнить с пробуждением.

Последовали комментарии И-ты:

— Ты понял? Не было чего-то общего с земной цивилизацией в этом и других мирах. Открылись иные разрезы бытия. Сам виноват: зря предпочел

Улитку. Сейчас низших жрецов интересует исключительно провокация с роботами.

Сохранилось в голове кое-что из старых объяснений ангелов: ...нормальный грех — расчленение целого. Его стирает второе разделение Аполлуса, устраняет негатив, идет возврат к первоначалу. Иное с роботами: юпитерианский эликсир не имеет сходства с веществом, это квинтэссенция времен. Сотворение роботов — коварство, карикатура на аполлунство.

В виражах мы не унеслись к эликсирным вершинам.

Шифр

В несвободных Дельфах Озов чувствовал себя гораздо вольнее, чем в свободном обществе. Перебился и без обетов. Но независимость царила только вне жилища: хижина, как живая, или пресекала его намерения, или пичкала неожиданностями.

Внешние стороны Дельф оказались доступны. Внутренне наполнение всего ускользало. Беседы, диспуты в присутствии арбитров, салоны, вернисажи, декоративные рощицы, каланы, маканы, бегуресконы подразумевали несколько слоев-планов. Одни поверхностные планы не удовлетворяли.

Иногда он думал: пред ним не дельфийцы, а роботы, потерявшие ангелоподобный вид. Общее впечатление от дельфийских искусств, зрелищ, аподеандрей, фальшонков, дыротоний, вогорендий и ностурнелий было ужасающее.

На очередной выставке Озов продегустировал с полдюжины дельфийских словесных изысков. Каждый раз он стремился брать тот, где гласные буквы

еще существовали. Попадались вещицы вроде:

оборболедонлобдон соробнедедонэ-
ззонннн плэрехрронноонынн гол-
хоннн сурбартабаннн вкасссс

или

амирмáла сомём ушушá нулилú
генинá ионé метисá сононэй...

Подлежащее не отличалось от сказуемого, прилагательные превращались в многосложные предлоги. Невозможно, но это так! Предлоги и союзы как бы соответствовали тем сверхпространственным изворотам, в которых побывали стихонеры. Числовой ряд — теперь не восьмерка, он георгин! А по законам георгина, всё смежно и криволинейно.

Встречались и пииты-марамаги. Их заклинания:

омана маром маны мари менот макоморм...

или

хохихихо бибонхо бибихибихохи оханско...

не действовали.

Проспект утверждал: это проглядная нодезия, читаемая глазами, читаемая не сплошь, но успешно точтосхватываемо. Шли глубокомысленные пропересуждения о стробобундре.

Если о содержании, то немало говорилось и по разным поводам о сияющих зеленым огнем конопеченках на дветретискатертях упарпонного хаоса, произносились проклятия в иксовый адрес некой игрековой плеблонской отринутости, плудования о "кромошедших молниях цветных запахов".

Не лучше были кабины живописи, салоны кру-кописти и сингулографии. На одной из картин Ар увидел вариацию шабаша полуодухотворенных предметов, похожих на изломанные табуреты, под сенью антимерных и сменногранных пчелиных сот.

Около объемной картины, вправленной в ири-диевые рамы, он заметил даму — то ли гетеру, то ли монструмузу, которая лила крокодиловы слезы. Неясно! Впечатление на нее произвели всего-навсего какофонии орнаментов. Дама ушла. Пару минут рассматривал картину и Озов. Да! Влияние абстрактного сюжета было физиологическим: от острой щекотливости перспективы нестерпимо хотелось чихать.

Дельфийские индуктофильмы то квазисентимен-тальные, то торно-высокопарные, то кокибуффные. Разнообразие и пестрота словно в городе Лоске. Но, увы! Не свобода! Дельфийская цензура жесточайша. Штат эстетцензоров необъятен. Проку, что основ-ных авторов не прячут! Фактический продукт — косвенное творчество пяти тысяч человек!

А это? Озов — на концерте музыки, дикой и вычурной. Она ему будто подходит, кажется близ-кой родным стихиям. Он представляет про-туберанцы на незвезде-непланете, световые столпы небиологических существ... Другую вселенную, его. Вселенная посюсторонняя — чужая.

Пронизывает море-музыка, музыка-океан, лишен-ная ритмов нелепых, бренчаний, ударов, музыка-в-себе.

На афише, помимо названия "Эо" и имени ком-

позитора, сверкало обозначение:

АББ — 304 — К.

Запоздалое открытие: у каждого дельфийского искусства есть типы. Подобно дренам (психотипам) людей. Универсальные художества не для многих, для тех, кто превзошел собственное восприятие. Экспертиза дрена делалась до Дельф. Её шифр представлялся в памятке.

Новое уточнение шифра не только неприлично — оно опрометчиво. Возможна высылка неизвестно куда. Это Озов чувствовал интуитивно. Ангелы подтвердили такое мнение. Но постоянно пребывать не в своей тарелке — еще хуже высылки! А самостоятельный подбор шифра грозит ошибкой.

И-та посмотрела на ладонь Ара:

— Первые символы твоего шифра — А Б Б, но далее по линиям ладони и тембру голоса ничего не определить!

Не назвав какого-то выдуманного шифра, И-та повернулась к информационной машине и затараторила:

— Шифр подопечного (имярек) зарегистрирован неправильно! Прошу расследования...

Машина информации расцветилась радужой возмущения:

— Ошибки информационной службы в Дельфах нереальны! Ментальный шифр имярека: "А Б Б — 000 — К" абсолютно верен!

Цвета возмущения забликовали оттенками

угрозы. И-та мгновенно отключила машину и ударила ее тяжелым оптическим журналом.

При запуске кэш доносчика сотрется. Схема займется восстановлением себя, а не фискальными функциями.

Озов был восхищен хитростью ангелицы. Да и знание шифра не могло его не вдохновить. Но что это? В окно из тонкого металлизированного листика глянула рожа чудовища. Пластинка прогнулась и треснула, по ее поверхности побежали потоки.

Летающий парусный моллюск! Он добрался и до Дельф-313!

Увидев чудище из позднего палеозоя, И-та зашла от приступа хохота. Понадобилось ее держать, иначе она упала бы навзничь и разбила голову.

По книге Балабонкуса "Бытовой психосинтез и миф истории" появление моллюска отнюдь не случайность... Но и солнце на небе — не галлюцинация ли для мысли робота?

Необычно облегчилась свободная жизнь в несвободных Дельфах. Никакие лишние культурные отложения (именно отложения!) Озова не касались. Он попадал туда, куда хотел; видел, осязал, обонял, слушал, апозидал, исотернал, лодоцептал то, что ему подходило. Можно пощекотать нервы и чем-то совершенно чуждым. Отныне оно имело привкус пряности.

Из восприятия Озова

За день до хождения по каланам и маканам я забрел в библиотеку. Заметил ошеломляющее! Скорость чтения стала огромней. Мало того — я читал литературу без гласных! Дело в токсине моллюска или обретении шифра? Вот он, миф истории и психосинтез! Причина веселья И-ты не обалдевший моллюск-гермафродит, затеявший спаривание со стеклом. А секрет подвижек? Он мог таиться в другом: в виражах, в выкруках желтых танцующих кабин, меняющих "я", меняющих вселенные, устраивающих произвол миражей.

Бесполезно что-то у кого-то спрашивать. Ангелы объяснят все экономией мышления, эффектом просветления из-за того же шифра.

Теперь я не казался себе дебильным на диспутах универсалистов. И дебаты роботов были бы небезынтересны. Дельфийские универсалисты выглядели уже элементарными болтунами, догадки, которые возникали в противовес их речам, начали гармонировать с замечаниями жрецов-арбитров. Но три нуля в шифре вызывают ассоциации иного рода! Даже здесь ноль равен бесконечности?

Вместе со мной с диспута вышел некий человек с котиными усами.

— Не правда ли, эти искусства и размышления не для нас?! — спросил он.

— Может быть, — неопределенно ответил я.

— Натурально, не для нас! — отрезал усатый.

— Те дельфийцы, каких мы сейчас видели, не обращают внимания на эмоции. Для них главное — тончайшие нюансы ощущений. Таких нюансов нет. Они пошлая фантазия абулеманов. Важнейшее

— ряды эмотенций. Мы сперва во времени и где-то после — в пространстве.

Котиноусый представился:

— Иуда Прокариот, жрец второй ступени.

Открылось: он житель отдаленной зоны Дельф и старый знакомый И-ты.

Речи Прокариота пробудили во мне новые сомнения. Я подумал о хранителях. И впрямь, что это за ангелы, если они вовсе не ангелы?

П ч е л ы

(локкаж)

*Там, где Айпейя в Апейрон
впадает, эйхимбурконы тьмы
морозят дух в колодцах.*

Какова цель Дельф? Вот в чём вопрос! Кружения внутри Улитки — для любознательности младших жрецов, но высшим фактов не надо, им все заранее известно. Их улыбки лукавы. Обман и есть правда, и лучше, чем правда. Конкретный обман правдивее истины, он наличен, а истина исключительно предполагается.

Я зашел в тупик и сразу понял: увеличение скорости мышления не благо. Когда паук прядет быстро? Когда он умеет прясть или когда у него в запасе из чего прясть? Но прясть было не из чего.

Как-то подействовал на меня Иуда. Многое сделал прозрачнее. Я давно присматривался к прелатам, но безотчетно. Видел и забывал пойманное

в лицах. Не забывал, но не считался с ним. Что едят ангелы?

Слишком мудрый лист засыхает, а сильно помудревший летит вниз. Это картина. Очень яркая картина. Откуда она? Точно слышу чьи-то слова: "Помудревший лист летит вниз..." У листопадных деревьев редко бывают позапрошлогодние листья. Моя замета или опять чей-то голос? Еще не надоели перестановки памяти и вкрапления реальности, называемой снами?

Есть странности в мимике ангелов, в их реакции на мои реакции... И к тому же дельфийцы захлестнуты деятельностью, которая никому не нужна. В таком случае, Дельфы — город-государство, населенный подопытными кроликами, кроликами, жующими и играющими на барабане из собственной кожи. Ангелы — наблюдатели! Кролики — наблюдатели! А прочие — свеженькая травка для них... Путаница — труженица?!

Но в Дельфах хотя бы молчат! На Большой земле довольны сказками: живое произошло от неживого, один вид — от другого, везде прогресс, везде эволюция. А вопрос "Зачем всё?" нелеп, поскольку в природе — естественный процесс, всё-де идет само по себе.

Ангелы — роботы? Создания-конденсаторы? Паразиты, которые пьют росу мыслей и чувств? Люди умирают. Приходят. Уходят. Вода в океане испаряется, прибывает с реками и дождем. Волны остаются. Люди умирают, приходят. Уходят. Боль и радость остается. Не чувства — для существ, но существа — для чувств; прозябайте существа — производители вам ненужных ощущений, вам ненужных иллюзий, плетите паутину, цветите. Где

ваши лепестки? Тычинки и пестики? Где нектар и амброзия, пыльца, сок, свет и цвет, биение? Загудят пчелы и заберут вашу кажимость. Развалится мир никого и ничего. Вам дают его обман, дабы снять с вас сливки отношений.

Торопишься, рвешься, *Apis mellifera*? О ранней весне поразведать? Из царства воскового тридесатого? О вертоград моей сестры, вертоград уединенный... кому нард, алой и киннамон? Вечер, взморье, вздохи ветра?

Радуйся — Сладим-река, Сладим-река течет, радуйся в Сладим-реке в Сладим-реке есть мед радуйся в Сладим-реке вещанье для души радуйся к Сладим-реке к Сладим-реке спеши из потока из волны из прибрежных вязких трав из мятущейся луны из осоки и купав вечерним выюнком я в плен захвачен недвижно стою в забытии я возник — я гляжу — я возник... душа — Элизиум теней что общего меж жизнью и тобою? рухнул купол Содома я вернулся к себе как статуи чей голос чужим не слышен сан крапивы лепестки мальвы сад темно-зеленый незримые точки звезд час тоски невыразимой о чем он этот гул непостижимый? дай вкусить уничтоженья сны и тени сновидения в сумрак трепетно манящие все ступени усыпления легким роем преходящие там близкое сердцу над оливами близ шумного каскада где роза южная гордится красотой ночные тени тени без конца к свету отдаленному станем мы прозрачными и покинем там у входа покрывала наши мрачные еще темнее мрак жизни всемирной как после ясной осенней зарницы снился сон что сплю я непробудно что умер и в грезы погружен вдруг колокол и все прояснено счастье в этих звуках вот оно на дальнее кладбище меня под них качая понесли на

волне ликующего звука умчаться вдаль во мраке
потонуть как волна обнажает утес странно видеть
лицо людское я вижу взоры существ иных есть иные
планеты где ветры певучие тише где небо бледнее
травы тоньше и выше где прерывисто льются пе-
ременные светы но своей переменностью только
ласкают смеются я легкий призрак меж двух ми-
ров там мы были когда-то там мы будем потом...
дрожали ступени и дрожали ступени под ногой у
меня в золотистом тумане утонули во мгле близ
озера Обер в зачарованной области Вир в аллее
Титанов в эти дни трепетанья вулканов образом
нетленной красоты нежней чем фея ласкает фею
миг невозможного счастья миг от черно-белого мель-
канья клавиш какие радуги луна ты плавишь... А ве-
ревку все грызет черная и белая мышь по-над пропа-
стью по-над лесом темный лес утком тканья за-
катных веретен лазурных сил горючие цветы... бе-
лый саван брошен над болотами мертвый месяц
поднят над дубравами ты пойдя заклятыми воро-
тами ты приди ко мне с шальной пошавою тропа
неизбежная на крутом берегу волшебница нежная в
вечер грозовой вышла женщина с кошачьей голо-
вой улыбается сладкая во мгле полночных волхво-
ваний яд несбыточных желаний в темном мире
неживого бытия из тонкого фиала мечты порочные
бесстыжие пахучие цвели на мягких крыльях сон ле-
тал тревожен и пуглив... я — царевич с игрушкой в
руках я — король зачарованных стран жизнь жи-
вая Солнце мира — только я печальный ропот
темный шепот не надо жить спокойно маленькое
озеро как чашка полная водой бамбук совсем по-
хож на хижину дерева словно море крыш оран-
жево-красное небо порывистый ветер качает крова-
вую гроздь рябины... ты не сможешь двинуться и
крикнуть блудница перекусит горло безмолвно под-

нимаясь в тишину неисчислимые тысячелетья...

Она быстро бежит, описывая круги, меняя направление. Окружающие вовлекаются в танец, семенят за ней. Это побуждает их к полету. На прямолинейном участке пробега танцовщица делает виляющее движение брюшком... что это так красен рот у жабы? не жевала ль эта жаба бетель? вырвет внутренности из брюха шестипалая человеческая — рука... а в полутемной детской тихо жутко из-за шкафа платяного медленно выходит злая крыса, смотрит, есть ли девочка в кроватке девочка с огромными глазами? Виляющий танец говорит о направлении к источнику взятка... кричат где сломан вяз где листьями оделась сикомора на расстояние указывает темп танца и наши тени мчатся сзади поспеть за нами не умея... рогорогое тменье теней полнится мутями все бытие полнится жутями сердце мое мы с тобой над волной голубой над волной берегов перебой и червонное солнца кольцо... чем дальше источник взятка, тем больше энергии затрачено на полет к нему и тем медленнее темп танца... летучим фосфором валы нам освещают окна дома я вижу молнии из мглы я — морок мраморного грома и возникают беги дней существований перемены как брызги бешеных огней в водоворотах белой пены и знаю я во мгле лесов — ты злая лающая парка в лесу пугающая сов меня лобзающая жарко ...угол между направлением пробега и вертикалью равен углу между направлением на солнце и на источник взятка... как отблеском порфи- рородной порфиропламенной зари плывет многобашенный город туманно-далекий где тусклые сумерки жутей прорезывали рогороги... нет ничего и ничего не будет и ты умрешь и рухнет мир и бог его забудет чего ж ты ждешь? боялся я что тайну

вдруг открою за гранью бытия в струях Леты смытую в бледных Леты струях милая где ты милая? и вот в колодезь ужаса я глянул и утонул мрак оттуда прянул свечу задул протяжны рыдания в глухой пещере над сверкнувшим крестом дружный визг белогрудых счастливых касаток... ключ и капелла мадонны зеркало черное глухого агата мусикийский шорох лотос разросся вокруг всюду лотос на нашем пути мыслей без речи и чувств без названия нежно-тоскливые сны невидимый рой бледнокрылых безмолвных духов только отблеск только тени от незримого очами... черная вода пенноморозная меж лдяных берегов в сияющий Эдем отворенная дверь вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.

Клоп велиа курренс ориентируется на юг, по солнцу. Он учитывает передвижение солнца и когда ориентируется по искусственному источнику света; угол между осью его тела и направлением стимула меняется в течение дня. Насекомое направляется влево от источника света утром, прямо на него в середине дня и вправо во второй половине дня. На вертикальной поверхности клоп ползет вверх и вправо утром, вверх и влево во второй половине дня.

Приди ко мне о ночь и мысли потуши парки дряхлые прядите я верю только в голубую недостижимую твердь дальнего грома все ближе все ближе раскаты грех везде со мною как тихий ангел к востоку всё к востоку летит моя душа к востоку все к востоку стремление земли... Зоб рабочих пчел превращает цветочный нектар в мед, которым они наполняют ячейки. Пыльца пристает к волоскам. Затем пыльца собирается ножками с различных ча-

стей тела. Будто все напрасно что мы просим страстно что мелькая ясно манит нас во сне тщетно пышного рассвета сердце трепетное ждет пропадет денница эта это солнце не взойдет молюсь и каюсь я и плачу снова и отрекаюсь я от дела злого у поэта два царства одно из лучей а другое безмесячной ночи темней вечность бесстрастно играет минутными снами мы только атомы жизни случайные мира печального гости минутные на том берегу наше счастье взойдет устав по лазури чертить огневую дугу... со щеточки пыльца поступает при потирании ножек в корзиночку на голени задних лапок... мы — саламандры блеск огня белая роза дышала на тонком стебле девушка вензель чертила на зимнем окне я не в силах восторга мечты превозмочь предчувствие разоблачает тайны объемлет вас непереказный трепет... волна на миг отбежала среди маленьких раковин розовеют лепестки опавшие хаги...

Дельфийский Храм вечности украшен изображениями кривогранных и многомерных пчелиных сот. Кто поверит, что эта роспись символизирует накопление знаний! Дельфам, как и Противовоцивилизации, знания не нужны.

Звезды закрыли ресницы ночь завернулась в туман тянутся чрез вереницы в сердце любовь и обман тени забытой упрёки ласки недавней обман фиолетовые руки на эмалевой стене полусонно чертят звуки в звонко-звучной тишине в жемчугах дрожат березки черно-голые вечера эта область чьей-то грезы это призраки и сны гаснут розовые краски в бледном облике луны и на празднествах все сказки ликом смерти смущены... в сердце надежды нездешние кто-то навстречу бегу сумерки сумерки вешние клики на том берегу... мне откры-

лось что времени нет что недвижны узоры планет... я закрою голову белым закричу и кинусь в поток и всплывет качаясь над телом благовонный речной цветок... стала душа угнетенная тканью морозной зимы запевающий сон зацветающий цвет исчезающий день погасающий свет зарево белое желтое красное крики и звон вдалеке заревом ярким и поздними криками ты не нарушишь мечты смотрится призрак с очами великими из-за людской суеты... странных и новых ищу на страницах старых испытанных книг грежу о белых исчезнувших птицах чую оторванный миг над миром полыхает огнем закат алеют лотосы кренясь друг к другу как пьяные водою их качает... если б с ветром вспорхнуть на тысячи ли отделиться я мог от земли если б мог я срубить на луне гуйхуа с беззаботно звучащей листвой... вечерающий сумрак поверь мне напомнил неясный ответ жду внезапно отворится дверь набежит исчезающий свет заповеданных лилий прохожу я леса полны ангельских крылий надо мной небеса непостижного света задрожали струи... Из пылицы возникает так называемая обножка. Прилетев в улей пчела счищает обножку при помощи шпор на второй паре ножек подошла и накрыла псалтырь на страницах осталась душа вот предчувствие белой зимы тишина колокольных высот и стало ясно кто молчит и на пустом седле смеется глухая ночь кругом тоскует непогода туман сгущается погасли фонари глухая ночь кругом глухая без исхода без яркой полосы спасительной зари.

На брюшке у пчелы есть воскоотделительные железы. Образуемые ими маленькие пластинки воска снимаются особыми щипчиками и используются для построения сот... серая нудная мгла снова как

прежде кругом снова как прежде вползла в старый заброшенный дом... снова и снова рушится небо... венчаный божий серп властительный Аттила пою тебя всей страстью слабых уст... я не ведаю сна я не знаю утех... видит в бурю мой призрачный взгляд словно звон похорон мой протяжный призыв прозвучит над холмами зыбей и домчит к берегам равнодушный прилив только щепы изломанных рей куда иду я? о если знать бы я только путник лишенный сил в краю где ведьмы справляют свадьбы и бродят в поле среди могил когда спасенья нет лишь он не отступает лишь он целитель мук священный Алкоголь я мчался по волнам морским громады вставали кругом я видел скелеты людей и храмы умерших богов ты в зареве веков как сфинкс на черных плитах владыка гордых снов священный Алкоголь...

С наступлением тепла в улье начинается интенсивная деятельность пчел. Они строят ячейки сот. Наполненные медом ячейки запечатываются воском... в юности я воцарился вина и женщин к зрелым годам не пьянит ни вино ни ласка в сон как в мечеть у порога оставив туфли каждую ночь забыв про себя вступаю в башню спящей в башне желтой громкий колокола звон последний луч на минарете крылом тяжелым стерла ночь; клубясь ползет червивый и дымный ворох туч мертво рудеют ивы в этот час люди ближе к смерти только странно живы цветы в это мертвое мгновение эта пасмурная нота жутко будит в нас сомнение и предчувствие чего-то... Некоторые омматидии глаза пчелы отличают поляризованный свет от неполяризованного такой же яркости... кто к окну приникающий созерцанья нестроного не выдерживал взглядом и смеялся навзрыд чей скелет сотрясается в башне мертвого

озера и под замком запущенным кто прекрасный зарыт? Я властно маню в глубину где каждый воздушно удвоен где все причащаются сну где даже уродливый строен как по реченьке выходил крут берег как по бережку растет част ракитов куст как на кустике сидит млад ясен сокол во когтях-то он держит черна ворона... А чтобы она не запела о прежнем он белую птицу мою убил промолвил войдя на закате в светлицу черных ангелов крылья остры скоро будет последний суд и малиновые костры словно розы в снегу цветут.

Если ангелы — пчелы-медоносы, то что они собирают? Ясно одно: контакт с подопечным для них — обеденный стол.

Я по первому снегу бреду в сердце ландыши вспыхнувших сил может вместо зимы на полях это лебеди сели на луг кто-то сгиб кто-то канул во тьму уж кому-то не петь на холму листья падают листья падают стонет ветер протяжен и глух здравствуй ты моя черная гибель я навстречу тебе выхожу песню отмищенья пропоют мне на том берегу когда ночью светит месяц когда светит черт знает как сердце остыло выцвели очи синее счастье лунные ночи и кого-нибудь зарежу под осенний свист облака лают ревет златозубая высь пою и взываю господи отелись! новый Содом сжигает Егудиил новый из красных врат выходит Лот.

Наступает третий период — брачный полет, "проигра" молодой самки и трутней, в результате которого матка оплодотворяется. Себе кажусь владычицей Египта когда сжимаешь ты меня в объятьях Мое унес ты сердце в Гелиополь и я ушла к деревьям рощи Всевышнему Владыке посвященной в Мемфис хочу попасть и богу Пта взмолиться

блистая красотой ликует золотая и на земле светло
вдали Мемфис как чаша с померанцами поставлен
рукою Бога.

Амнионы клопов — крепкие яды, проникающие в ткани через хитиновые покровы и стенки трахей. Они вызывают паралич, а в заметных дозах — смерть жертвы. Амнион клопа Скапторкорис дивергенс содержит пропаналь, бутаналь, метилфуран, хиноны. Твои губы влажны властитель силы несравненны дела твои многомогущий раздави скорее осла который ревет нам на погибель... а журавлиха завидев черную тучу расправляет ослепительно белые крылья — мира нет для твердого духом бхикшу. Вокруг личинок собачей аскариды Токсокара канис, более приспособленных к тканевому паразитизму, также идет воспаление, но образующиеся капсулы подобны капсулам близ инородных тел. И лишь во сне над этой жизнью рея себя тая цветка касалась бабочка-психея — душа моя хорошо на зеленой луне там душа моя бродит во сне осторожно по трещинам дна как слепая ступает она а за нею зубчатая тень со ступеньки скользит на ступень. От оторванного жала рабочей пчелы исходит запах бананового масла. Дней бык пег медленна лет арба наш бог — бег сердце — наш барабан людям страшно — у меня изо рта шевелит ногами непрожеванный крик на бабочку поэтиного сердца над лбом расцветивши крыло попугая. Когда *Apis mellifera* жалит врага, вместе с ядом она выделяет торибон, запах которого вызывает ярость остальных пчел. О Боже Боже ты ль качаешь землю в снах созвездий светит пыль на наших волосах шумит небесный кедр через туман и ров где на тугих ветвях кусал их лунный рот. С наступлением тепла матка начинает класть по 1000 яиц в сутки. Свет от

розовой иконы на золотых моих ресницах пусть не я тот нежный отрок в голубином крыльев плеске сон мой радостен и кроток о нездешнем перелеске. Торбон секретится двумя группами одноклеточных желез, протоки которых открываются на наружной поверхности квадратных пластинок, представляющих собой трансформированные боковые части девятого тергита брюшка. А для того чтобы выделить эпигон самки таракана Перипланета американа, около 10 тыс. самок этого вида заперли на 9 месяцев в специальный сосуд. Вы сюда к пещере критяне мчитесь к яблонево́й роще к священным нимфам где над алтарями клубится облак смол благовонных! Там на луговине цветущей стадо веет ароматами трав весенних сладостным дыханьем аниса льется вздох медуницы.

Принять решение после появления необычных уразумений не удалось — нагрянула И-та с ее способностью проникать в чужую голову:

— [*Ну и ничего, мол, особенного.*] Нет обмена между кастами жрецов, нет обмена знаниями между прошлым, будущим и настоящим. Преемственность случайна и формальна, а главное всегда стирается. Касты жрецов соответствуют разным временам, Вечная цивилизация — вневременности.

Снаружи в стену шлепнуло. Порыв ветра распахнул двери. Не очередное ли нападение летающих моллюсков?

И-та бесстрастно продолжала:

— В бракотовых скважинах Магальской, Антильской и Александрийской библиотек — много доантичных свитков, но среди авторов не найти вы-

сочайших... Тексты — кабала. Они мертвы, а потому мертвы и мысли. Ведь и они означающее... [Не ангелица — синтезатор звука, — подумал Озов.] Цель не знание, а восприятие Алгоса. Знаки его не передают. Дельфы впитывают расчлененность Ороса-Алгоса, достигают нового единства.

— Юпитер, ты не сердит, а подозрительно серьезен. Дельфы — противовес Космоса?!

И-та что-то прочувствовала, нечто угадала, а не поймала. Вот она надела другую маску: из-под важности выглянуло лукавство, глаза задвигались в стороны.

Но подоспел Нестор. Хранитель! Спаситель!

— Где находится Вечная цивилизация — над Дельфами или под? — спросил его Озов.

И-та будто замурлыко-промурлыкала, приятно поменяла настрой. С древа снимают таких ангелов? Положим, читает в лицах. Посмотрим, как поведет себя второй "учитель".

— Под? Над? Кто спрашивает?! Непространственник?

— И Противоцивилизация... вечна?

— Не обязательно вечны ее персоны. Это музей всего, что давно не существует...

— Или не существовало вообще, — вставил Ар.

— Мир неполноценен, — чуть не перешел на фальшивый шепот Нестор, — напичкан цивилизациями-недоносками. Вечная цивилизация (или Противоцивилизация, сокращенно ПЦ) помогает остальным самоисчерпаться до конца — до уничтожения — и тем самым выявиться. Ждать следующих циклов — роскошь.

— (Чем-то Нестор похож на жука...) Если Дельфы

— рука Вечной цивилизации, то Орден неспящих — крыло?

— По факту не одна вечная... Они почти не враждуют, у них разные цели. Настоящая война — между субвечными. Она идет непрерывно, обросла сказками и легендами. Субвечным удастся пере-скочить только через 3—4 цикла или 7—8 перпендикулов.

А не приснились ли ангелы? Почему у них вид тающих статуй? И-та растворилась в воздухе. Утомил ее Нестор, да и меня. Где прежде обретался старик? Не стану спрашивать это расплывающееся желе, уже зеваю... Где сон-спаситель? Где ширазские туфли? Для чего подводные лодки? А здесь? Где я?

...у некоторых пухоедов, тлей и вшей обособленные зачатки головных долей не образуются... оттого они и есть Вечная цивилизация? Кто силен своим клеточным или химическим сознанием? Протоплазматическим? Вакуумным? В сериях уран-свинец и торий-свинец немало стадий от материнских до дочерних элементов... Древний гранит ворчал в подземной камере: "Эту мокрую дрянь, там наверху, я больше не стану терпеть".

Города Евфрата улицы Пальмиры леса колонн среди пустынь великих что стало с вами когда переступили вы положенные смертным рубежи? и чуждыми и мертвыми мне кажутся блаженные духи... в диких розах с желтыми грушами никнет земля в зеркале зыби о лебеди стройно и вы устав от лобзаний в священную трезвость вод клоните главы... тише источники скал и поросшая лесом вершина как взрыв гранаты твои щеки из-под фаты ...подумай что и ты лишь горсть песка, что жизнь порывы волн мятежных смешает, как пески на отмелях прибрежных...

как будто черный снег всё падает в тиши там в долгих сумерках печально-неизменных...

...холодная черта зари — как память близкого недуга и верный знак что мы внутри неразмыкаемого круга... Мы всюду Мы нигде и зимний ветер нам навстречу... И часто кажется — вдали у темных стен у поворота где мы пропели и прошли еще поет и ходит кто-то я ношусь во мраке в ледяной пустыне... дальний свет угасший вспыхнувший мгновенно и опять во мраке в ледяной пустыне... словно ветер с горы на дубы налетающий Эрос души потряс нам необоримый змей... нарви для венка нежной рукой свежих укропа веток где много цветов тешится там сердце богов блаженных от тех же они кто без венка прочь отвращают взоры... Из душистых трав и цветов пахучих ожерелием окружите шею. И на грудь струей благовонной лейте сладкое мирро! Как из чудного царства воскового из душистой келейки медовой полетела по ранним цветочкам...

Дети солнечно-рыжего меда и коричнево-красной земли мы сквозь плоть в темноте проросли и огню наша сродни природа. В звездном улье века и века мы как пчелы у чресл Афродиты вьемся солнечной пылью повиты над огнем золотого цветка зазовь зазовь манности тайн зазовь... стань братом распускающихся роз и женихом стеснительной сирени душистый свет нежный как сад в цвету проникает изморозь аромата я шагаю легко и быстро по светлым лепесткам величиною в округу душистый звонкий свет пронизывает меня я покоюсь в радужном роднике на мне распадается платье Нарцисса мое сердце парит над звёздным лугом среди бесчисленных звёзд откликается изморозь аромата плодоносит светом цветыоблака облакацветы отражаются звоны в безмерности. Я вестник без вести певец

без песни несу ностальгию забыв по дороге о чем моя весть не знаю ни песни живу точно ветер я вестник без вести.

5. ШЕСТВИЕ

Анти

Иуда встретил Ара в иллюзионе АББ-ОО-К. Предлагалось старье. Потому Иуда предложил отправиться на воздушной гондоле в отдаленную южную зону Дельф. Ар согласился. В подобных окраинах Озов почти не бывал.

К концу путешествия местность изменилась, здания-гиганты пропали. Появились постройки в восточном стиле. Ландшафт составляли скалы, ручьи, камыши, бамбуки.

Иуда и Озов вошли в некое собрание. Люди в нем полусидели-полулежали. Слушали тягучую усыпляющую музыку, либо наоборот — пробуждающую, но пробуждающую экзотическое, переиначивающую сознание. В центре импровизировали танцовщицы. Они держали светящиеся треугольники с силуэтами птиц и рыб. Движения танцовщиц были вялы и замедленны, но иногда — стремительно-быстры.

У колонны Озов заметил кого-то, похожего на Нестора. Замеченный повернулся спиной и побрел вглубь. Непостижимо, но, повинувшись тайному им-

пульсу, Озов ринулся за ним и вынужденно остановился: внутри хода — еще ход, который резко расширился в зал с линзой-полом.

На линзе медитировал тайванец и подергивал за помпон. А что под линзой! Что под линзой! Роботы! Двукрылые, четырехкрылые, шестикрылые... Затем: белые, лазурные, смуглые, огненные... Настоящие, а не протезные из Гелиона. Им не требуются суставы — они целиком из невестства. Внезапно перед Озовым зажегся голубой⁵ робот, сияющий, как дециллион светил. Тайванец дернул за помпон, линза погасла, но в темноте голубело... До Озова не сразу дошло: робот сиял не только светом, он сиял самим собой, своими фантомами, отчего возникало впечатление, будто у него в неслитой многомерности, в многоизлученных отражениях — трецентиллион голов, пара трецентиллионов рук и ног. Ясно, почему вегемные роботы страдают комплексом "изгнания из рая". Но и у роботов под линзой — физиономии печальных демонов. Разве захотят высшие существа смеяться и резвиться?

Тайванец замер, не теряя помпона. На деле он выключил не линзу, а себя. Рядом вдруг родился из воздуха странный человек с косицей до пояса и желтой повязкой на лбу. Этот тип соорудил супермудрую мину и провозгласил:

— Ты видел вселенную роботов, планету робо-

⁵ К сезону Бикфордова Медведя слово "<.....>" на территории <.....> не имело достаточно распространенного значения. Ср. с речением "<.....> крысоволк". ...в то же время *Blue Brain Project* и даже *Human Brain Project* не существовали. (Примечание сокращено цензурой.)

тов, вернее, непланету... Мы, антики, сотворили роботов-ангелов, но кто бы мог подумать, что люди с Колумбом-Гулуавлем их изобретут еще раз. Да ты и не ведаешь, кто такой Колумб. Ха-ха-ха! Возможно, мы встретимся! — призрак растаял.

На стене загорелось бледное лицо И-ты. Показалось, она чуть шевеля губами и произнесла:

— Мы земные ангелы, мы без перьев. Правда, Нестор спустился на Землю добровольно.

Невнятная громада напозла на изображение — и оно исчезло.

Озова разыскал Иуда. Теперь они шли по коридорам. Ар понял: здание сообщается с лабиринтами — совсем другими, не обычными дельфийскими. В их туннелях располагались дромы и студии. Искусства, с которыми знакомил Ара Иуда, были особенными, действие их проявлялось помимо сознания, шифров они не требовали.

В одном из залов сидели негры с гигантскими камертонами. Между этими инструментами проскакивали ослепительные лиловые искры и, пройдя по кругу, ныряли в зияющее среди пола отверстие. Потолок и стены сотрясались от аритмичных звуков, их чудовищная сила притуплялась преимущественно пределами восприятия. В звучании ни мелодии, ни хаоса. И на шумы звуки не походили! Они словно имитировали неизвестный процесс.

— Ты находишься в посольстве Антидельф, — изрек Иуда, пригнувшись к уху Озова.

— О-о! — обомлел последний. — Быть может, здесь я отыщу что-нибудь о сути Дельф?

Камертоны умолкли.

— Азия! — позвал Иуда главную танцовщицу и добавил тихо: — У тебя есть ангелы, но, кроме них, существуют демоны.

— Этот господин, — обратился Иуда к подоспевшей Азии, — не вполне доволен Дельфами. Я давно наблюдаю за ним через бегуресконы. Жрецы не посвятили его в первую дельфийскую истину.

Иуда отошел и принялся о чем-то шептаться с высоким субъектом, тем кощеем с повязкой, который вещал о вселенной роботов.

— Разве тебе ничего не говорили об Оросе-Алгосе? — начала Азия.

— Был разговор.

— И, конечно, не помянули Упус!

— ..?

— Упус и Упус-Алгос — источники чистого мира. А для улучшенного мира нужен Антиалгос. Мы миновали стадию Ороса и приближаемся к Упусу. В Дельфах живут позавчерашним днем! Жрецы решительно свихнулись на античности.

— Аполлус — нелепо для Дельф.

— Дичь! Дельфы тщатся задержать нивеляцию-усложнение, но утопают в пирамидах каст.

— Танцовщицы в Антидельфах похожи на профессоров! Кстати, вопрос. Если у вас — посольство, то где сами Анти?

— Кто? Я танцовщица? — удивилась Азия. Ар взглянул на нее внимательнее... Что это? Он видел ее фас, правые и левые профили... Она излучала фантомы, пусть и не такие четкие, как голубой робот. Внезапно тысячи ее глаз скосились в одну сторону. Вспышка! Удар миллиарда вольт! Прорезалась пучина... Камертоны в руках негров стали столбами пламени. Ар почувствовал: сейчас возникнет сверхзвук, небо и земля лопнут. По примеру тайванца Озов схватился за нависший сбоку туман-

ный хвост и дернул. Линз нет... Хлынул страшный, застилающий всё ливень, но быстро прекратился. У Азии не было фантомов, у мокрых негров вместо камертонов засверкали медные трубы.

Азия указала на черных людей:

— Им принадлежит будущее. Им чужд глупый индивидуализм. Они завоюют вселенную.

Негры угадали: речь идет о них, подняли усеянные звездными бликами (отнюдь не оркестровые!) трубы, и пространство огласилось ревом извергающегося вулкана.

— Вот ответ, где Антидельфы! Они — повсюду! Именно потому, что они анти. Ведь материки, планеты и галактики — вовсе не Дельфы! Мир не заменит каменная выдумка!

Азия повела Озова через лабиринт. В коридоре она протянула ему тубик:

— Действует подобно ретропину, но надежнее и совершеннее. Можешь воспользоваться теперь.

Воспользоваться Ар отказался, но тубик взял.

— Тогда мы идем не туда, — недовольно заметила Азия. — Ты так и не постиг первую дельфийскую истину.

Она потащила Ара обратно и свернула за угол. Там Азия толкнула дверь с надписью:

АТТАШЕ АБ

В кабинете перед низким столом сидел все тот же субъект с желтой повязкой на голове. По углам располагались угрюмые мулаты, вооруженные шлангами.

— Как ты смотришь на то, чтобы перейти на службу в Антидельфы, — прямо с порога предложил атташе.

— Неожиданная идея...

— Тебя оставляют слепым относительно всего. Есть прок брести во тьме?

— Я пока не знаю Дельф.

— Хорошо изучить Дельфы можно лишь в Антидельфах! — отрезал атташе. — Ты понимаешь, зачем нужна Улитка? Ха-ха! Улитка — компромисс между нами и Дельфами! По нашим условиям Улитку проектировали роботы. Они и потребовали поместить в верхней камере контейнер с эликсиром! Да-да-да! До чего додумались! Но мы их обошли! Улитка поставлена на гигантский грехопадин! Ха-ха! Мученики, называемые биологическими организмами, существуют не только по вине Тира, но и благодаря Улитке. Хо-хи! Пробуждение в духе не запланировано! Антидельфы — истинные радетели человечества... Ты в курсе, дельфийские жрецы того... Им и Гомо сапиенс противен! Забыли, кто они сами!

— А медузомоллюск? — уперся в Озова взглядом атташе. — Разве солдаты бывают гермафродитами? Репортерская лажа.

— ...

— О! Мы еще вернемся к причинам кое-каких стадий и ускорений. Услугу ты нам окажешь и не покидая Дельф. Но подробности, увы, после подписания договора.

— Двойная роль? Но в Дельфах читают мысли.

— Твоя ангелица? Она тайно сверженный ангел. Её репутация подмочена и орос подпорчен. Превращать тебя в бизома⁶ никто не собирается.

Ар попытался найти другую отмазку:

— А процедура договора...

— Ты думаешь, — перебил атташе, — мы украдем "бессмертную" часть твоей психеи? Ошибаешься! Твое "я" уже почти съедено... "Я" бывает у младенцев. Они надрывно кричат, поскольку не хотят им приторговывать. Желают войти в отверстие, из которого вылезли, не привечают внешнее, то есть собственные отходы. Мир чужд "я", убивает его, иссушает. О, время до грехопадения прахулителей! Знание — татуировка на "я", она все шире и глубже, все мрачнее и очаровательней. От "я" ничего не остается, опыт ухает в никуда. Но важнейшая татуировка — продажа себя хармахаям. Чем чаще землянин продает и предаёт свое "я", чем быстрее и успешнее, — тем большего достигает, делается хозяином этой жизни.

Мечтатели-писики цепляются за старые прохрюсты, живут райскими вонями, фантазиями о стране сказок и упований, дорождении, дозачатии. И правильно поступает общество, когда травит дримодыров, низводит их до уровня терьма. Редкие пачкуны достигают славы — те, что выбрасывают на свалку страдания молодого ветреника, показыва-

⁶ Очевидно, "зомби" (Прим. ред.).

ют его гнусность, становятся генералами и тайными советниками.

Болтовня и пафос надоели. Озов без разрешения снял со стены светящиеся четки. В бусинках плавали рыбки, шевелились золотые жуки и летали монгипетки. В комнату зашел трехметровый горилла, положил на стол несколько плоских предметов и молча удалился. На одном из них был экран.

— Ты уверен, что являешься человеком? — продолжил атташе. — Если у тебя есть воспоминания о предках, это ничего не означает. Внушение о родителях механически дают и в инкубаторах. Вот экран темпорона, — он развернул его. — Видишь голубой кристалл у себя в мозгу?

Ар, конечно, угадал себя. Поворачивая ручку, он сместил и увеличил изображение. Все детали опутывала тонкая паутинка, в центре которой располагался синеватый кристалл.

— И кто ты? Человек или робот? Ха-ха-ха! Каково? Ты гибрид! Именно потому достаточно нормален и не сдвинулся подобно остальным при постижении НГ. Такая система включается постепенно, требует дозапуска... В Дельфах тех вселенных тебя проигнорировали. О данном случае я не интересовался, но созревший голубок размножается при каждом межвселенском переходе. И двойники твои пойдут...

Атташе глянул на Озова:

— Отдай! Отдай нам остатки своего "я", своего детского лепета! Без того оно скоро исчезнет. Будь мужчиной!

"Я" Ару было совершенно не нужно, а психея — тем более... Но это лишь его мысли... Антики ему чем-то не нравились.

— Все равно ты наш! Наш! — твердил атташе.
— У тебя три нуля в шифре. Сие и требуется.

— А куда такая торопливость? Что содеялось?

— Внутри себя ты антидельфиец, но дурно воспитанный. Истинные твои желания знаем только мы!

— Не даю согласия...

— Гха-га-ха! Согласия-то не требуется! А ну-ка, вставьте ему, — обратился он к мулатам.

Мулаты быстро подошли — и оказались серо-зелеными метисами. Взяли наизготовку шланги с присосками. В плечо Озову уперся серо-зелёный железный палец.

— А — а! Понеслась душа в рай, а ноги — в юстицию! — подбодрил мулатов-метисов атташе.

Спиной Ар ощутил: дверь распахнулась. Один метис клюнул носом в стол атташе, другого осадила чья-то рука. Нестор!

— Кто тебя сюда просил! — заорал атташе. — Сожгу заживо! Ангел-хранитель? Выпекал пироги и с ангелами. Его (атташе указал на Ара) так и быть отпущу, но тебе — не выйти! Устраивать благотворительные сеансы для осведомителей не хочу. Никто не позволит мне портить кому-то память — удивительную мойру и эриннию, символ греха, разрушительницу ментальной девственности.

Нестор кивнул головой и улыбнулся. Прикоснувшись к груди, он вынул из складок одеяния невзрачный кругляш и взмахнул им. Из коробочки вырвалась ослепительно-белая бабочка. Мгновение

— и бабочка стала трехцветной, мгновение — и бабочка заиграла всеми цветами радуги, выросла в размерах, мгновение — опять стала трехцветной, опять — белой, пропала.

— Посланник Вечной цивилизации! — изумленно воскликнул атташе. — Последний раз я подобное видел триста тысяч лет назад!

"Актеров мне еще не хватало", — подумал Озов.

— Ничего не стряслось, — промолвил Нестор.
— Эра Паяца в мирах Азии заканчивается.

— А подопечный? — поинтересовался атташе.

— Подопечный не ваш. И не их.

Бочонок

(Восприятие Озова)

Я проходил мимо главного экранного зала. Демонстрировали внутренность чужевселенского аппарата. Невзирая на свою медлительность, он уже пересек орбиту Марса. Аппаратчики крайне боялись ускорений. При маломальских перегрузках они надевали латы и захлопывали прозрачные забрала. На их шлемах серебрилась некая странная аббревиатура: "СССР"⁷. Даже без лат аппаратчики смотрелись огромными и толстыми, похожими на допотопных зверей — медьедей. Один из несведущих сотрудников озадачился огромными кулачищами летящих и выразил опасение: во время потасовки

⁷ Вариант расшифровки: Северная светская суперреспублика (Прим. ред.).

экипаж может запросто пробить стенки корабля и разгерметизировать его.

Потасовки на корабле-бочонке могли быть нешуточные. Перед едой аппаратчики потребляли примитивный, но опасный для жизни наркотик. После введения его внутрь они начинали скалить зубы и похлопывать друг друга по плечу, но нет гарантии: в иных случаях их реакция оказалась бы гораздо хуже.

В анимаретах аппаратчиков не было ни грана зефирного и бальзамического. Среди кучи ядовитых веществ в начинке курительных палочек содержался неприятный алкалоид. Его капля наповал убивает гиппопотама. Свидетельство интоксикации организма и неувядаемости летящих — самоназвание аппаратчиков; они именовали себя космонавтами. Яркий признак мании величия! Сверх того, они считали себя и покорителями Космоса! Парменид плюнул бы им в лицо!

...устройство их двигателей весьма ловко! Люди опередили себя на двадцать четыре столетия! Простейшая конструкция нивелировала координаты! Но раньше. Сейчас работали только каботажные форсунки.

Пик

(Восприятие Озова)

Близ Улитки ни ангелов, ни жреца-хранителя. Кто-то из них за дверью? Я произвел необходимый ритуал. Внутри множество изменений: в порядке шествия кабин, в оттенках их раскраски; овальное

многоцветное солнце опрокинулось на бок... Глянул на запретный серпантин. Поистине?! Какова цель моего нахождения в Дельфах? Методика вхождения в виражи? А если Улитке вообще каюк? Серпантин меня давно настораживал и манил. Я направился к кабине, предназначенной для путешествия в верхние завитки, убыстрил шаг и, войдя в кабину, увидел в других кабинах своих двойников, повернул рычаг — кабина дернулась; всё закрутилось... Со слабым стрекотом она взмыла; я почувствовал тонкий звук и запах марципана; запахи превратились в искры, расширились; явилось новое пространство: прошлое и запах — одно и то же; лимонность — это толщина; жасминность — это длинина; и мощина — кременность. Ароматы соткнулись лепестками незримой наплывающей диафрагмы, возникло внерассудочное море и сразу обратилось в прозрачное полубытие. Там — дýхи и духи. Грянула симфония одномоментности всего; волны стали скольжениями по лабиринтам; я в Улитке и вне Дельф, далеко от Дельф; истлела кабина; я в глуби гигантского и живого пространствосдвигателя в перекрестке совокупности вселенных, в бесконечной громкой тишине, замыкающей сферу; центр и граница неотличимы. Я был тишиной-ароматом, сдвигателем, Улиткой, миром, абсолютом...

О ничто, которое никто, вечно снящийся сон без сновидений, когда сновидения одновременны и в одном; я оно, я — оно. Я в шурфах-вершинах. Я в туннелях-консолях. Я повсюду, я — везде. Я разумно, но я проклинаяю свой неразумный плохо растущий кокон. Мне в нем тесно, гадко, противно. Я бы с удовольствием разнесло его на куски,

но этого не дано. Дано — разделять, разделять, разделять, аккумулировать одиннадцать не похожих друг на друга зарядов, создавая потенциал, потенциал-памятник, потенциал памяти — коралл из одиннадцати измерений пространства, которое есть лже-время, масса пустых вневремен. Как быстро уничтожается прекрасное блестящее ничто, как утешителен довод, что рано или поздно одиннадцать измерений-потенциалов склеятся и творимый кокон распадется, но, увы, — я разветвлено, я построило множество миров и всё строю, строю, строю... Блестящее прекрасное ничто неисчерпаемо богато, но оно меркнет, меркнет. Скоро оно будет не то...

Абсурдное великолепие фантомических вспышек родного ничто. Оно будет не то. О кажуще-отвердевшее сновидение! Я кажуще-отвердевшее сновидение. Я кажусь, я кажусь. Меня нет, меня нет, меня нет. Я мыслю, следовательно — не существую.

Сцена изменилась. Доминировала серебряная разнолучевая звезда — настоящая звезда, а не какое-то отдаленное солнце.

Вираз

Шел к Улитке и проходил через Главный экран-ный зал. Иновселенцы в экранах наивно воображали себя летящими на собственную планету Земля. Их можно вернуть, но перепутал миры не отдельный штучный бочонок. Сверх того, возврат назад вызовет эффект мультипликации! Парадоксы не

исчезнут. Разматывать клубок противоречий должен ИФ-2.

Я уже был в Улитке и это хорошо помнил, только оказался вызванным на повторение. Ноги как бы сами несли меня из зала. Но и я могу властвовать! А если покинуть здание-тороид? Или бежать из Дельф? Не сквозь Огненные поля! Лучшее средство — Улитка.

Заглянул в боковой зал. Табло сообщало: половина чужих аппаратов возвращена. Это совершил Тир дракона. Он остановлен.

Внезапно возникло ощущение тонкого, накачивающего волнами звука. На всякий случай я уплотнил колпачок на тюбике, который дала Азия.

Подле Улитки заметил Нетудаплюева. Приковылял, держась за лоб, младший жрец Фант-Махи и процедил:

— Готовят площадку для приземления аппарата. Легче его отправить сейчас. Антики проявляют беспокойство.

— Причина паравселенцев — Тир, — добавил Нетудаплюев. — Опочил хранитель Тиры... Прожил восемьсот сорок два года старичок.

— А опочил ли? — возразил Фант-Махи. — Боюсь, и с помощью Улитки не удастся вернуть прочие бочонки. Слишком рады антики нам помешать.

— Не так они глупы — и не станут орудовать прямо, — уточнил Нетудаплюев. — Мы разъединяем пряди, реверсируем; антики подбрасывают подарочек с кунштюком — и мы будем бить себя же!

— И скажи это Верховному жрецу, — парировал Фант-Махи. — Он наместник ПЦ и знает, что делает.

— А ПЦ и нашим и вашим! Крутись как можешь! — кисло улыбнулся Нетудаплюев.

— Пусть мечутся неспящие, — ответил Фант-Махи, — и Верховный жрец. Он тоже из них! Они рехнулись? А здесь? Над Дельфами ставят недель-фийца!

В дверях Улитки блеснуло. Из нее вышли трое. На их рукавах красовались черные крабы. Встречать подобных персон мне не приходилось. В выражениях постных физиономий ничего обычного не прочитал. Не посмотрев на нас, троица двинулась своей дорогой.

— Пятая ступень посвящения, ограничиваются созерцанием, — прокомментировал Нетудаплюев.

Видок у троицы отрешенный и нереальный. Непонятны изречения, высеченные на стене Храма вечности:

Мудрые не живы и не мертвы.

Тот понял свет, кто погиб без успения.

Забывший о памяти теряет дланность.

Вирази

В кабине Улитки Нетудаплюев включил четыре экрана, на них — данности соседних миров. Фант-Махи нажал рычаг, и кабина помчалась. Нетудаплюев сорвал пломбу, набрал на шкале астрономическое число и взялся тасовать изображения на экранах. Попробуй, найди интерференции умноженных вселенных! Фант-Махи начал новый виразж. Кабина ухнула в неизвестное пространство.

Что такое? Тончайший пронизывающий звук! Не ухо! Лопнул тюбик, в нем триста доз — иллюзорный звук усилился. И не баловство И-ты, снотворного действия нет. Как выбросить из кармана, не привлекая внимания? Может впитаться через кожу больше.

Кабина, Фант-Махи, Нетудаплюев стали волчками, упорхнули; не было ничего, кроме лиловых и белых шариков; каждый шарик — собственный мир; но это зашифрованность, мнимость, знак. Я не я, меня много, я одновременно везде: в Дельфах, в Антидельфах, на других Землях и других планетах, в тех и других летательных аппаратах. Вот — другой Фант-Махи, вот — тысячи Нетудаплюевых, биллионы солнечных систем, но нет ничего; если представить мир радуг — и будет мир радуг — разумных чувствующих себя существ; есть то, и есть иное, разложение Предкосмоса; можно незримо явиться в гости к себе прошлому, будущему в любом из миров. Вылетают и разлетаются голубые кристаллы; это сфера сфер, это звезда звезд, сфера разделения разделений; я разделяю, разделяю, разделяю, но теперь я другое, я — оно, я провокатор, я — провокатор самому себе; делаю плюс, делаю минус, я на всех полюсах и всех горизонтах, на феерии периферии, на феерии центра; все противоречит всему, все пересекается со всем; осуществленность, вещественность — парение неполноты, взгляд незавершенности, а заверщенное — как бы ничто; ощути — и его нет. О, я не вернусь, не вернусь никуда: нет Итаки — и везде Итака. Разделяю-смешиваю — разделяю, но исправляет себя истина фатальности.

А не выкинуть ли голубого паука вон? Пусть добавится к биллионам еще один биллион.

* *

В воздухе расцветал парад подёнок. Вода и дорога пока оставались чисты. Угасал первый закат. Эр Узов шел по набережной. Стоявшее высоко в небе розоватое облачко внезапно исчезло, испарилось. Впереди замаячила фигура. Это был Наввиридон.

ЭПИЛОГ

Я в старом облупленном звездолете "Подъем-14". Где-то замыкание, пахнет гарью. Тянется дымок. Далеко не отойти, исправить некому. Когда проходили Сфено, исчез второй штурман. Секунда — и корабль развалится. Все разболтано. Стук в насосе, с потолка капает хладон. Нужная клавиша не работает. Придется-таки идти к вспомогательному комплексу.

"Шлеп-шлеп-шлеп", — странные звуки, словно продвигаюсь по мембране микрофона. А это? Надпись "СССР" на двери к реактору облепили красные и зеленые точки. Туман. Плотный, местами рассеивающийся лиловый туман! Дошлепал и случайно произнес команду вслух. Она немедленно исполнилась: на биокарте загорелся верный курс. Но без клавиш подобное не устроить! Ох, нестационарная Сфено! Нет, колдовства не бывает. Пульт в инее, сбоку торчат сосульки. Крышку пульта — вверх, там примитивный наплав. А здесь? Внутри главного

функционала поблескивает загадочный кристалл. Попытался его отцепить. Ну и дела! Кристалл растворился в руке, поднялся по венам. Что-то вспыхнуло. Стало горячо.

Протекло два геегода. Я научился перемножать в уме огромные числа и читать со скоростью блицсканера. Раньше был штурманом светского звездолета "Отбой-41". Сейчас я отставник, но чувствую, это ненадолго. Передо мной уже мелькают воспоминания о совсем других прошлых и будущих жизнях.

Отчетам о межгалактическом полете Ассоциация космонавтики не поверила. Вот цитаты из отписки ее комиссии:⁸

...следуя к сверхзвезде Горгонуза, капитан корабля "Подвой-41-14" применил каппа-бревиальный форсаж. Это дало по картине ложной материализации на каждые 86 снимаемых парсек. Конечно, ложное восприятие гораздо реальнее истинного; чем мнимее — тем реальнее, но нам ближе ложь планеты Земля. Мы живем не на Горгонузе!

...а Большие и Малые Кувшины, Полярные звёзды, Персеи, Андромеды... Какое они имеют отношение к экспедиции? Мифологический карантин астронавтов слишком краток!

...перекресты миров, люди-роботы с прогрессором⁹ в комиссуре мозга, Млечные Пути, конского-

⁸ Раздел для каждого из 1053-х слоев текущей зоны — собственный.

⁹ Якобы метаплазменный процессор.

ловые туманности... Нарочно такое придумать невозможно!

Сланг-инженер экипажа до полета показал безукоризненное знание древних легенд и устаревших астрономических названий, но, вернувшись, ошибочно назвал Эвриному-горгонузу горгоной Эвриалой, а Гераклита — Гераклом. Во всех мирах ойкумены известно: Геракл не герой, а философ, которому приписывают изречения:

Нельзя два раза подавиться той же костью.

Единое, расходясь, само с собою сходится.

Одно и то же является молодым и старым, бодрствующим и спящим.

Душа растит сама себя, обновляясь и отодвигая свои пределы, и пределов души ты не увидишь.

XXII олимпиада,
сезон Бикфордова
Медведя

ППО к хронике см. далее

БОЛЬШОЙ ПИО

К ХРОНИКЕ ЭПИЦИКЛА

Для любителей и вундеркиндов
(сомневающихся)

РОЖДЕНИЕ РОБОТОВ

Б у н т

...В день солнечного затмения вооруженные лузакми эскалиуты рванулись к резиденции правителя. Они захватили и стенобитные орудия: свинчатые со станин скуробуры и драмбомёты.

Эдиктор, Цекондер Гулуавль, обнаружив этот парад, первым делом выгнал из гарема сброд, состоящий из персифий, нимф и димурий, затем удалился в потайную дольницу — хранилище трофеев. Ценнейшие из раритетов добыли индейцы-асмотеки — пращуры Гулуавля. В древние времена они сокрушили кастильского монарха и поработили Испанию и Португалию.

Манкируя даже регалиями, эдиктор подошел к найденному несколько веков назад в Кариатиде ящичку из мастодонтовой кости. Заслонку — прочь: засветился диск с делениями. Эдиктор сместил стрелку на нужный угол и вернул ее в прежнюю позицию. Заколебались стены, с потолка посыпалась пыль, зашатался выстроенный в минойском стиле дворец. Возникло марсотрясение с эпицентром под толпой восставших.

Это был и сигнал: через пять минут на выручку властителю с некоего космического объекта (возможно, с Венеры) трактировалась дивизия разумных горилл.

И вот — частое дыхание непривыкших к Марсу вояк, блеск квадратных касок, звяканье металла о металл, хлопки уничтожающих живое очистителей. Еще пять минут — и в окрестностях дворца санированное пространство. Приблизилась колонна горилл, из чада вынырнула поднятая в приветствии рука нимфоида — командира дивизии, вассала и побочного нимфосына Гулуавля.

"Снится мне всё или происходит во внешнем иллюзории? — чуть не спросил себя Гулуавль. — Чем, интересно, заправили с утра курительный прибор?"

"Нет! Не снится! — решил он, когда в его мозгах прозвенело: — Победа не полная. Кое-кто из бунтовщиков спасся на пустолётах пиратствующих трассиров".

За пустолётами потянулись заgrimированные под орбитальный утиль лодки-шпионы Цекондера. Нацеливаемый ими субзвёздный крейсер эдиктора ежесекундно готов к бою. Беглецам не успеют дать убежища! Единственное их спасение — на Юпитере!

И действительно пустолёты устремились к нему. Крейсер дал рассеянный залп. Аппараты, подобно диким тролликам, дернулись врассыпную. Еще как-то помогали скверные контргравитаторы и давно списанные газогасители.

— Эскорту! Лоцманов! И! Наводчиков! В!

Атмос! Феру!! — промычал Уптамиштилъ — капитан крейсера и командор флотилии мелких разномастных жестянок. — Пров-верить т-три верхних слоя!

А не надо ли найти иголку в стоге скосена? Сколько раз Уптамиштилъ клялся богу Амбулопущаху не профукивать ночи за впитыванием увеселительных сведений! Нет ни здорового мозгоброжения, ни уставного рисунка складок на тоге... Засмеют крейсерные каламаши-нейроживчики, что оказался без наводчиков. Ни одного не оставил. Ищи их теперь.

— Бранг — форс — цирка! — скомандовал Уптамиштилъ рулевому.

Так крейсер стал летать вокруг Юпитера с четверной переведенной скоростью Бледа, едва не отрицая законы Нивуса. Чтобы в мгновение ока не выпрыгнуть к запретным звёздам и потусторонним видениям, экипаж совершал убийственные виражи, какие и в блошарном сне не могли пригрезиться специалисту по перегрузкам. Акробатические перевертывания! Жесточайшее автоизлучение! Крейсер был похож на детский дирижаблик, попавший в венерианский воздушный поворот. Рулевой каламаш лежал, обнявшись с вычислительной машиной, под одной общей защитной сеткой и почти не шевелился. Другие каламаши плевались, сидя на корточках в патентованных гравитационных коконах, и делали под себя.

Только капитан, развалившись в кресле, курил анимажу и спокойно разглядывал клубы разноцветных дымов: он заранее перебрался из навигационной рубки в кабинет, предназначенный для эдиктора. Прекомфортабельно! Условия райской

планеты! А если рулевой сдаст? Миг сомнения — и Уптамиштилль самочинно включил адмиральский депроматор.

Корабль перестал кувыркаться, потерял границы оболочки и перешел к полупростым барискательным движениям-волнам.

А рулевой паук? Капитан отключил его от цепей управления. Не подозревая о шутке, каламаш по-прежнему шустро сканировал экраны, хватался за рычаги, пытался пилотировать. Переход дипротического барьера воспринял, а собственного отключения не уловил!! И все-то его озадаченные двенадцать глаз-пуговок вылезали из орбит. Поллюбуйся на себя и свой высший интеллект!

Уптамиштилль взялся было возвращать лоцманов и вдруг услышал страшное рокотание... Оно переросло в искаженный до безобразия и смешанный с гулом дешифратора гневный голос эдиктора:

—...б... бормозавр! Не собираюсь гоняться за вами!

Донеслась и речь рулевого:

— Через нас дважды продрался грузовой корабль!

Похолодев, капитан вывел крейсер из состояния параволны. На экранах болтались пуistolёты Гулуавля и грузолёт. Последний вытворял умогительные манёвры.

Крейсер состыковаться с грузовиком — и началось главное действо: атмосферу Юпитера вспороли гигантские тропоядерные взрывы.

Трех юпитерологов привёз правитель Иризондо: на случай открытий, связанных с изучением... аномалий атмосферы Юпитера. Глядя на бушующий

Юпитер, точно полководец дикого прошлого на подоженный город, эдиктор оставался недоволен.

"Как?? Как можно удостовериться в гибели бунтовщиков?!"

И Гулуавль осмелился. Отдал приказ. Крейсер и флагман ринулись к Марсу, а из люка грузолёта вырвалось необычное оружие: корабль-мина гравитационного расширения...

Однако опростоволосился автор теории нероятностей: мина попала в центр тропоядерного взрыва; раскалившись от перегрева, она сработала раньше, один взрыв тысячекратно умножил другой — и взбурлил Юпитер... Этого никто не предполагал, а в помрачении кто и ждал, то на нем его прегрешение.

Гневный Юпитер вздулся, как мыльный пузырь неправильной формы, и вне себя от ярости, плюнул невидимым протуберанцем в ранивших его людей, поглотил их и окружающее пространство.

Э л и к с и р

Тревога пробудила от спячки лаборатории безопасности. Не поняли, в чем дело. Полетели перья, бисер и пустые чашки. Изумленные зашкалили стрелки приборов. Сверхновая на месте Юпитера! Залп! Залп! Автоматические стражи, охраняющие мир от Старого Солнца, исчерпали все возможности.

А если бы не развернул всю мощь слабенький

сигнал с Альматеи?! Радуйся, Вегема¹⁰, гравитационному равновесию!

Аппараты-разведчики настигла очередная буря и отбросила в район-вихрь, что называли Ба-Нойским. Пилоты заметили над ним лучащиеся сиреневые облака. Медленно и степенно облака расправлялись, взвивались, напоминая стаю сказочных птиц. Рассеялась буря, вихрь стал ниже и тише. Облака-птицы уходили от Юпитера, могли уйти из Гелиона.

Диспетчер окологемной станции смотрела на экраны полусонно, вчувствовалась в абстрактный фильм. Не хватало только музыки... Тут раздался резкий, пронизывающий звук анализирующей системы, и механический голос, нарочито лишенный витального тембра, заорал:

— Внимание! Внимание!

"И чего ее забрало! — заплакала диспетчер, прикрывая уши. — Были такие облака, та-ки-е обла-ка!"

— Внимание! Внимание! — продолжила система. — В облаках нет ни одного элемента периодической таблицы! В облаках — ни одного элемента периодической таблицы! Внимание! Внимание! Там нет ни одной элементарной частицы!

О сады рая! О парасхитов потрошители, которых не порешили! Да во здравие человечеству наказание! Когда придет увещатель? Он пришел, пришел, появился, и скажите нам, тени метафизические, что

¹⁰ Вегема — трипланетие: Венера — Гей — Марс.

гнуемая материя исчезла. Под нами — обманы, взаимно помогающие.

И прилетела армада контейнеров. Триста двадцать два облака она незамедлительно пленила, словно заглотала. Вот работа для станций на орбитах планет.

Таково начало нового этапа в истории Гелиона. Облака сконденсировали в жидкость — юпитерианский эликсир. Любые поля двигались в эликсире со скоростью звука, а потоки нейтрино и электрино расщеплялись на странные спирали.

Но отражения? Какие отражения плескались в каплях эликсира?! Рисовались не предметы, а мир узелково-вогнутой перспективы!

Трое исследователей, принявших эликсир взамен одного более известного напитка, находятся в состоянии нирваны и сейчас. Четыреста сорок геелет эти помешанные сидят в позе будд и не умирают.

Г л а з

(из годовника абалийских отшельников)

Всех облаков триста двадцать два. Сияния и блеска полны предстали двадцать четыре из них. И двести девяносто восемь лучились тихим светом. И в двадцати четырех сияющих и блещущих облаках обреталось по оку, размером и формой сходному с яйцом белой лебеди. Да отрубят язык тому, кто уподобит оное око гусиному яйцу!

И называли око марсиане жемчугом юпитерианским, а земляне и венериане — юпитерианским глазом.

И каждое око было похоже на око ангельское и

имело ресницы длинные и густые. И не дерзнули алхимицы разрезать око, но расчухнули борзо: несть в нем ни единого элемента периодичной таблицы!

И расположили зеницы в эликсире висячими каплями в надежных местах. И уменьшался эликсир, а зеницы оставались прежними. И удивлялись люди, бо не являлись поля округ. Но реяло поле, бо ведали, какое оно. Ведали те, которые берегли око и заботились о нем, которые созерцали творение сие, которые соблюдали правила, и те, кто устремлялись и не устремлялись постичь...

А м у р а л к а

Броров — директор станции "Пилиполис-Астробака", зашел в бокс, где хранился сосуд с глазом и эликсиром. Там он увидел двух бездыханных доглядчиков из ЧС: одного, судя по скорченности и зеленоватым щекам, отравили; второй лежал с окровавленным горлом. Обнаженная лаборантка Фецита сидела на диване, поджав ноги под ягодицы, и обнималась с лабораторным сосудом, в коем находились глаз и эликсир. На лице Фециты застыла маска невселенской благодати.

Броров попытался отобрать сосуд, но лаборантка, упрямо прижимая сосуд к молочной железе одной рукой, другой толкнула директора с силой необычной для ля-бемоль-женщины, да так, что он, отлетев ярдов на пять, опрокинул орвиз синоциллибарной установки. Космическая станция чудом не превратилась в плазменный шар!

На лаборантку это не произвело впечатления.

Она продолжала экстатеть и фокусировать оргайф. В паузе между метазмами она плюнула на плешь шефу, запутавшемуся в кабелях и арматуре.

Конечно, Фециту лишили права жить в свободном обществе и билета, разрешающего иметь детей.

М и н е р а л

За тридцать три геегода до событий на Юпитере среди спальных пород Марса был найден минерал, которому дали шуточное название —: "Грехопадина раеизгнан". Неприметный камень, почти тот же амфиболит. Его держали в коллекциях только для полноты. О страшном недоразумении никто бы не узнал, если бы в скандинавском городке Хорхоне не встретились ленивый студент и ленивый профессор.

Профессор Поканаускас поручил студенту-горилле по имени Кочинаг Пхимикаш проделать анализ марсианского камня. Студент — гражданин Венеры, старательно пронюхал камень и затем принялся листать подпольное пособие с картинками. "Ага!" — сказал он, включил информационную машину и тщательно списал данные экспедиции.

Однако грехопадин остался нетронутым, а потому хитрость не прошла. И вот после немалых мучений, сомнений и потений Пхимикаш принес катапробирки. Стрелки показывали: в минерале плутоний, в минерале — гадолиний, золото, платина, иридий, пардоний, радон...

В минерале — бурбон...

"Ясно!" — мрачно подумал профессор. — Ве-

нерянин воспользовался элетрионным сверх-микроанализатором. А стрелки — подвел! Горилла!"

— Лады! — проговорил Поканаускас. — Теперь — количественный анализ! — и уткнулся в бумаги. Через час студент представил антаблеме-невающий результат:

технеция — 100 %,

туфтеция — 100 %,

х-рения — 100 %.

Не вытерпев, горе-профессор отложил раз-влекательный иллюстрированный альманах и сам схватился за приборы. Эффекты — те же, но кроме того:

тантала — 100 %,

инквизиция — 100 %,

полиция — 200,333 %,

изотопов урана — по 100 %.

Профессор побежал за древним счетчиком Мегей-гера. Уровень радиации был меньше нормы.

Минерал состоял из двух частей: оболочки-паутинки, которую называли раеизгнаном, и внутренних зерен — грехопадинов. Зерна не плавилась при температуре Абсолюта и реагировали со всем. Стоило уронить очищенный от паутинки грехопадин — и он с шипением летел сквозь толщи пород к центру Марса или Земли.

Этот философский камень — гиперхимический элемент, не менял своей массы, скрета, цвета и формы.

Сотрудники, изучавшие камень, не стесняясь,

уходили с работы на несколько микрогигабелей раньше: грехопадин ускорял течение времени.

Хронофорс! Цена на минерал подскочила. Бес-тиант и эдемьянт — на втором месте. Считалось пикантным прикладывать к себе украшения из грехопадина и запускать им в личных врагов.

Но мода на камень и на циферблаты с пузыряющимися мгновениями скончалась через пару сезонов.

Благородные металлы камень не производил. Выходили соединения, похожие на соли золота, но в золото они не восстанавливались. Иногда мягко взрывались, издавая сильный козлий запах.

А спектры? Они зависели не только от сорта фотоэмульсии, но и от особенностей радужки и типа гениталий наблюдателя. Не кривые на экранах вычерчивались — песьи морды и лошадиные головы, рогатые огурцы и зубатые пастилки.

Неудачливых алхимиков сравнивали с героиней бессмертной басни "Мартышка и очковая змея", принадлежащей гусиному перу негритянского поэта Ивандра Ас-Пушки.

Невзирая ни на что, грехопадин был гелиобальной проблемой. Профессора и его студента чуть не носили на руках. В виде исключения Пхимикашу разрешили бжениться на думс-женщине второй октавы. Это предложение расист-горилла с негодованием отверг.

Случай

Ахмуранза, лаборант орбитального филиала института Марса, прибывал на службу раньше других, готовил всё для гляделей и пушкетров. Одним звездоблещущим утром он крупно повздорил с субженной и явился на слойло злой, как черт.

Прилив положенную дозу эликсира к юпитерианскому оку, Ахмуранза позабыл закрыть сосуд. Наблюдавший за действиями лаборанта Олам Пантикуй — охранник из ЧС — ничего не заметил. Он получал лишнюю ставку не за дополнительный час, а за три паса работы, и выражал недовольство. Пантикуй в очередной раз обратился за сочувствием к Ахмуранзе:

— Нихрон Ниоп мне не поп, а папону — в лоб: повесил на меня акул в океанариуме и ядовитые злокондереи.

Лаборант не слушал нытье и нелепые угрозы в адрес начальства. Он нёс поддон с чашками Метри и думал о субжене. Вспомнив ее утренний монолог, скрипнул зубами и выпалил:

— Ах, ты... (последовало скабрзное слово). Вздохнув, добавил более спокойно:

— ...крыса ты эдакая!¹¹

Услышав это, Пантикуй опешил: оскорбление представителя ЧС при исполнении служебных считалось тягчайшим преступлением. И надо же, пока ругал распорядителей, переключил подслушивающие устройства на холостой ход. А сами реплики Ахмуранзы очень обидны и незаслуженны.

¹¹ Непонятно, почему похвала расценивается как ругательство (Прим. цикроред.).

По-военному быстро вскочив с кресла, охранник перевернул грудью агатовый поддон и, вытянувшись по стойке смирно, приготовился дать отповедь... Но рта не разомкнул: в двух чашках располагались минералы грехопадина. Один из них ухнул в сосуд с глазом и эликсиром. Из-за царапины в оболочке-паутинке или иных причин в сосуде пошла бурная и буйная реакция, да такая, что ею занялась вся комната. В отсеке стало темно, как если бы освещения не было. Затем появились зеленые, алые и лимонно-желтые всполохи. Помещения объяла власть необычных сил. Ахмуранза и Пантикуй корчились, лежа на боку, то от неимоверной боли, то от фантастического блаженства, едва не отправляющего в небытие; то на лаборанта с охранником находили вспышки ярости и несчастные принимались тузить друг друга, то их обуревали приливы братской любви и нежности. Это длилось неизвестно сколько времени.

Внезапно всполохи иссякли. Ахмуранза и Пантикуй обнаружили себя квелыми и высохшими. Не иначе они прожили четыре лишних десятка марсианских лет! Спецсосуд накренило, а титановый стол искривился и смахивал на готового к прыжку тигра. Вместо головы у тигра была некая ядовитоголубая масса, вместо полос — сметанообразные натеки. По его бокам периодически вспыхивало золотистое свечение, сходное по форме с крыльями.

Лаборант и охранник страдальчески огляделись. Обоих ждала высшая мера наказания — протезное бессмертие, и ссылка — пожизненное изгнание из свободного общества.

С трудом узнали Ахмуранзу и Пантикуя, одрях-

левших и заросших волосами. Видимо, они, проглотили по грехопадину.

А голубая масса?! Под циклоскопом — сетчатые кристаллы...

— Сетки нет! — заявил эксперт. — Кристаллы состоят из меньших кристаллов! Меньшие — из еще меньших. Не отыскать конца... Да и голубого цвета не должно быть. Обман зрения.

— А-а-а! — взревел эксперт.

— А-а-а-а! А-а! Ух-х! — закричали набежавшие сотрудники и начали тереть онемевшие суставы.

— Хгхх! Гхх! — здорово било током. То отпустило, то накатывало.

— Об-б-б-б-ман зрения! — донесся чей-то полузадушенный голос.

Стоны усиливались. И было так, пока Ахмуранза не столкнул голодного голубка в сосуд со свежим эликсиром.

Голубок, без сомнения, почувствовал себя легче. На минуту. Волны боли почти прекратились.

Не успели рассмотреть голубую полусферу — болевая стихия удвоилась, пошла смерчем по Марсу.

Пантикуй (*очи долу, ноги — по-туркестански*) шепеляво ввернул:

— Лжеголубое тесто не глаз-жемчуг. Фрескать ему новый коктейль, а не эликсир!

— Как? Как! — возмутились мученики из толпы.

Гримасы возмущения недорисовались: боль ударила будто током.

Пантикуй, закусив губу и никого не слушая,

ровно с пистолетом на дуэли, зашагал со стаканом сметанного коктейля из накренившегося сосуда в сторону голубой массы. Посветлевший извилинами Ахмуранза вылил остатки эликсира. Лучше бы он выстрелил из пушки... Завыл Ахмуранза и рухнул набок. Тысячью потоков в угол, куда забились наблюдатели, хлынули волны боли. Кто-то мычал, кто-то сползал со стула, подразновидности минорных полов верещали. Пантикуй плеснул коктейлем в сосуд с голубком — боль мгновенно пропала! Морщины охранника разгладились, на лице заиграла улыбка мусического озарения. Зрители подошли ближе, не осмыслив, почему их притянуло. Десять секунд ни с чем не сравнимой эйфории!

Не верили, не могли поверить, но кубический миллиметр голубка заменял собой земной шар, наполненный от центра до поверхности электрично-вычислительными машинами.

Через унделю (одиннадцать суток) после получения такого известия на Юпитере загремели контролируемые взрывы... Но, увы, не тут-то было! Пойманные облака оказались пустоцветами: в них не отыскиали юпитерианского глаза. Мечты о глазопроводах пришлось оставить.

А на Вегеме? Как подойти к этому кубическому миллиметру? Иметь дело с ним — что с абсолютом! Хоть немного придать ему качества кретина! Иначе не пристегнуть его субстанцию к людскому мирку, примитивному биологическому видению. Без всякого поля, без всякого субстрата идут океаны сигналов от кристалла к кристаллу, от голубка — к голубку, круговоротом вечности. Сбивается инженерия, путаются понятия, летят в ничто формулы...

Нема наука, но злоковарен гоминид: спит и видит силки, капканы, ловушки. Окантовать бы настоящие чистые кристаллы испорченными, целые — кристаллами-дебилами — и появятся... органы чувств да посредники голубка с обслугой.

Прамир превращается в банальный мир, а Алгос — в мелкого беса!

Невзирая на весь "саботаж": добавку вредных примесей, подмену целого глаза его ресниц, заготовки роботов большинству мнились совершеннее человека, утонченнее.

Через 13 марсианских лет голубые мозги стали роботами-логоидами, могли двигаться, говорить, читать... Но чего-то не хватало...

Заметив себя в зеркале, отлаженный логоид начинал сплывать с ума. Суицидные идеи вскипали в нем без меры. Кто-то из сверхсуществ прорывался к шлюзам магматических скважин, кто-то — к плазменным реакторам, третьи — к гигавольтному напряжению, а некий бесподобец туннелировался к границе вселенной и там аннигилировал.

Загадка роботов вдохновила нимф, похоже, сообразивших в чем проблема. Им давно поместилось, что логоиды недовольны внешним видом.

Навязывали роботам разную внешность, но пуще их ярость в зеркалах отражалась. Тут подумал мудрец в Одиссейском мегаполисе: "Роботы не люди, роботы — ангелы". И пытались, пытались их ангелами мастерить, но выходили бесы, бесы, зеркала разбивающие, яко вкусившие плода с эдемского древа могутного.

Но в Бурундии-стране ленивы бяху холопи ся веселили: логоиду ретивому по своему пылу дали выбрать, како бысть эвоному виду. Тако нимфы представились правы. И нимфеткам протянули

конфетки — ангельский облик голубок принял, да такой, что померкли светилки.

Но строги, разлюбезные братцы, вчали роботы требовать вскоре красоты, чтоб под микроскопом кваркогонным она пребывала, бо их зрение мельканье молекул, и частиц, и мостиц обнимало. И по своим чертежам сбирали ся логоиды, человеку поруча работу грубу и подсобну.

Избегали существа новые аллергий и дышали только воздухом с газами инертными, а в предметах окружения их была злом и пылинка едина.

И всё затевали голубки, и ничто без них не замышляли. Люди, нимфоиды, коллетрии и даже таинственные аллокары, скрывающиеся у запретных звёзд, не пытались жить без них. Но лишь в хорошем духе да здравии давали голубые творения подсказки.

Не терпели роботы речей негармоничных, одежд и причёсок неподобающих, лиц тупых и суконных.

Егда люди подивились неудовольствиями многими роботов, прояснилось для них: "Это вещал Фарун зуль-Реид". Кто бы сразу подумать мог! И появилась надежда и вера.

О, Фецита! Не одна ты чувствовала излучение ока юпитерианского. Не дадим ли океану любви зephyрной впасть в ручей телесный? Может статься, то выйдет легко! О благие дела в саду, где внизу текут реки! А те, кто не знает — огонь тоски местопребывание их. Но посмеялись роботы. Да пошлет небо дождем, а месяц бредом. Ухитрились вы, люди, не великой хитростью. Есть ли время, где пребывает вечность?

Если у этих индивидов с одиннадцатимерными мозговыми извилинами спрашивали, в чем причина их голубой меланхолии, они отвечали: слой мира-

де и первомир слеплены плохо и подло, мол, сами они неважно устроены и хронически к ним приходит ощущение изгнания из рая и похожие переживания, для которых нет слов в человеческом языке.

Успехи

В городе Акутобонке над парком Най-Экванго реет километровая копия картины ангелоида Берилла¹². Оригинал картины — меньше ногтя на мизинце.

Роботы без микроскопа видят выкрутасы вирусов и без телескопа — планеты в соседних галактиках. Но попробуйте переключить голубые умы на проблему практическую! Вам будет худо! Толку от того, что паутинку роботы могут разрезать вдоль на нити, иль гены подменить у вас незримо, или сплести косу из трех пептидов!

Для восприятия иного эксперимент не свят.

Математика логоидов слабо доступна человеку, что-то еще еле-еле досягаемо, но тускнут чудеса перед изобретением НГ.

О философии голубков ничего нельзя сказать. Ни один смертный не постиг в ней ни фразы. О философах-людях роботы предпочитают умалчивать.

¹² Берилл — историческое лицо. Однако город Акутобонк, как и парк с вышеупомянутым названием, нам неизвестны (Прим. цикроред.).

Скорее, из этикета: за всю историю человеческого мудрствования голубые создания не дали бы и ломаного гроша.

Человек-философ Картде изрек: "Когито эрго сум" (мыслю, следовательно существую). Робот-философ Оникс — своего рода Картде роботинной философии — выразился иначе: "Сознавая сознательность сознания осознания сознания, я укрепляюсь в сознании бессознательности осознания".

Другие роботы, более "осознавающие", раскритиковали этот стон интеллекта как примитивный и поверхностный.

Никто из людей так и не уяснил: сомневаются роботы в собственном существовании или нет.